

Андрей Десницкий

Русский Амстердам

Андрей Десницкий

Русский Амстердам (сборник)

ТД "Белый город"

2017

УДК 82-3
ББК 84-44

Десницкий А. С.

Русский Амстердам (сборник) / А. С. Десницкий — ТД "Белый город", 2017

ISBN 978-5-485-00563-4

Сборник прозы Андрея Десницкого «Русский Амстердам» посвящен истории и современности нашей страны. Какие мы сегодня, почему мы такие разные, могли бы мы стать иными? Можем ли мы понять друг друга? Об этом – его рассказы. И как мы выглядим, когда попадаем в совсем другую среду? Повесть «Русский Амстердам» – история молодого русского парня, попавшего в этот европейский город в последние дни 1991 года. Сам автор прожил там около года в начале девяностых, но в повести нет портретов реальных людей – скорее, в ней дан портрет той эпохи. О чем бы ни писал Десницкий, его проза – вдумчивая и добрая. Он не раздает оценок, а призывает читателя всмотреться в лица и судьбы своих героев, чтобы читатель смог понять что-то важное про себя.

УДК 82-3

ББК 84-44

ISBN 978-5-485-00563-4

© Десницкий А. С., 2017
© ТД "Белый город", 2017

Содержание

Русский Амстердам	6
1. Рейс – нерусское слово	6
2. Европа, здравствуй!	9
3. Неплохо для начала	12
4. Наедине с собой и с границей	16
5. Белорусская чаша	19
6. Почему бы и нет?	23
7. Доктор Астров из города Брюгге	28
8. Королевство, в котором Рождество	34
9. Совершенно новый год	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Сергеевич Десницкий

Русский Амстердам

© Десницкий А.С., текст, 2017

© Десницкая А.А., дизайн обложки, 2017

© Издательство «ДАРЪ», 2017

© ООО ТД «Белый город», 2017

* * *

Русский Амстердам

1. Рейс – нерусское слово

А он все равно не верил.

Больше с интересом, чем с аппетитом выуживал из хрустящих прозрачных упаковок и пережевывал аэрофлотовский ужин – и радовался ужину. Наклонялся к иллюминатору, стараясь не разбудить дремавшего соседа (ну почему так несправедливо – спит всю дорогу, а кресло у иллюминатора досталось именно ему!) и пытался разглядеть в мутной темноте признаки ожившей географической карты – и радовался карте, оживавшей скорее в воображении, чем в иллюминаторе. Пытался угадать, когда именно они пересекут воздушную границу Советского Союза и объявят ли об этом по бортовому радио, – и не угадал, а объявили только: «Пролетаем над Копенгагеном». Надо же – Копенгаген! А про границу, пожалуй, правильно не сказали – а то исторглось бы почти шутовское «ура» из десятка актерских глоток...

Да, он не верил. Слева все дремал этот несоветский сосед со своим диковинным аппаратом на коленях. Около часа назад он выудил из глубин замшевой сумки черный футлярчик, достал хитрый прибор, затем еще раз нырнул в сумку за плоской квадратной коробочкой с изысканно голой бабой и названием какой-то маловразумительной группы на обложке, вынул из нее маленький зеркальный диск всех цветов радуги и вставил в устройство. А потом надел наушники, откинулся и то ли уснул, то ли затащился.

– Компакт! – жарким шепотом справа отозвался Венька Савицкий. – Ух, сила! Европа, мать!

Справа был Венька, но он-то не в счет.

А позади – очередь, несуразные поручения и прощания, как будто незамеченные два килограмма перевеса – все консервы мамины, будь они неладны; молодое, тупое и внимательное лицо в будке на паспортном контроле да тюбики с зубной пастой и кремом для и после бритья – из-за них он зазвенел на контроле, совсем про них забыл, и пришлось под бесстрастные взоры иностранной публики и подначки собратьев по театру разоблачаться перед сержантом, выкладывая из карманов на обозрение мыло, разговорник и всякую дребедень – и откуда только все это набралось? И солдаты с автоматами у входа в железный коридор (точно подкоп под железный занавес!), и вежливые стюардессы, и взлетные огни Шереметьева...

А он – не мог поверить.

Почему, почему так круто? Ну как это так – их, да на гастроли? Театр-студию, непонятный гибрид, о котором неясно, как и говорить – он или она? Нечто, немного известное в узких кругах Садового кольца в Москве да Обводного канала в Питере? Конечно, конечно, гениальный, пробивной Сам, богатые да охочие до экзотики иностранцы...

И как так все это подвернулось – в Европу, да на горяченькое, к Рождеству западному, героями. Ведь обязательно будут объявлять перед спектаклем, что всем составом, да по первому зову, да на защиту демократии... Уж не по этому ли поводу и визу дали с запасом, на целый месяц – аж до января 1992-го?

Позади был тоскливый августовский дождик, горящие у неумелых баррикад костры, чахлая из-за садящихся батареек «Свобода», сцепившиеся за руки в нелепой противотанковой обороне люди.

– Ну чё, пацан, руки-то дрожат? Да не стесняйся, чё там.

– Уж скорее бы начинали, вот чего.

– Да начнут скоро, вон, объявляли только что.

А что, и начнут. И сомнут тогда баррикаду, и театр вот так же сомнут, только бы успеть увернуться из-под гусениц и Нинку вытолкнуть первой, а Самого, если придется – то и грудью закрыть, для искусства. Впрочем, в такой-то толчее – как увернешься, куда побежишь? Нет, вряд ли успеем. Ну, теперь уж как карта ляжет.

И вдруг – победители. Мы тусовались, тусовались и победили.

А за иллюминатором! Разредились облака, и земля проглянула четкими линиями огней и правильными фигурами освещенных пространств – геометрия прямо, а не география! А среди островков света – черный глухой проблеск воды, пятнами, полосками и тонкими линиями. Всюду, насколько было видно, вода пробиралась в сплетение огней и срасталась с ним странным узором, а где-то там, совсем с краю, огни пропадали и начиналась темная громада Северного моря.

И все это медленно поворачивалось, проплывало и уходило за крыло самолета, и вот уже быстрее – да и ближе, кстати – и пробудился от встряски сосед, и заерзал Венька. Вот оно, и толчок снизу, еще один – и в иллюминатор вбежали огоньки аэродрома, замедлились и отделились, а на их место торжественно въехал прямоугольник освещенного здания с главной, немислимой и тарабарской надписью: **AMSTERDAM**.

Ночной аэропорт оказался чист, тих и светел. Заблудиться было невозможно даже неискушенному колхознику, и театр растянувшейся вереницей побрел в направлении неоновых стрелок. Перед стойкой паспортного контроля пришлось затормозить. В один проход устремлялись, слегка помахивая перед носом у пограничника европейскими паспортами, вальяжные дамы и господа, а у другого прохода выстроилась разноцветная очередь, держащая в потных ладонях корочки всех немислимых государств и расцветок. Туда же и с нашими краснокожими. В маленьком загончике перед самой линией пересечения границы обреченно переминались три негра, а еще один стоял перед таможенником, и тот безразлично листал его паспорт, такой же черный и потрепанный, как и его владелец. Взмахом руки он отправил негра в загончик и что-то сказал напарнику за соседней стойкой.

А что, если и их так? Но на полированную стойку лег первый серпасто-молоткастый, сверкнул и оставил свой отпечаток на визе пограничный штемпель, и, ласково кивнув, таможенник вновь сообщил что-то напарнику, но уже с явной теплотой в голосе: «Рюсланд».

Выполз на длинной извилистой гусенице и был расхвачан багаж. Тут же – гостеприимные тележки, и совсем бесплатно, ставьте, граждане приезжие, так удобнее. И – на выход, к таможене... По мере приближения – новые страхи: а ну как нельзя пять поллитровок, счастливо пронесенных в обман таможи советской? А запрятанные в глубины запасных трусов и лифчиков серебряные полтинники; а дедушкина коллекция марок между страницами детектива? Родину-то как иначе распродавать за свободно конвертируемую? Но у Саши – ничего такого, потому что нечего.

А на контроле – миловидная барышня в форме. Прямо перед Сашей с трудом толкала свои картонные коробки немолодая советская тетка. Барышня улыбнулась:

– Good evening, madam, what is this?¹

– А, это шмотки, шмотки, – не смутилась тетка.

– ОК! – новая улыбка и жест: проходите.

Шмотки так шмотки! Как не понять молодую демократию.

Сашу девица одарила улыбкой просто так, и вот вывалился он с потрепанной своей сумкой наружу, в суету встречающих.

А тут – куда же? Над толпой, над поцелуями и рукопожатиями вознесены несколько самодельных плакатиков: какой-то университет... ассоциация... А вот это приколы: «Petrovich A.I., Semyonovna S.G., Alfredovna D.L.» Наверно, европейцы, непривычные к нашей анкетной

---

¹ Добрый вечер, мадам, что это? (англ.)

форме «фамилия-имя-отчество» приняли последнее в этой обойме начертание за фамилию, и будут теперь именоваться совграждане (уж не та ли тетка с коробками среди них?) не иначе как мистер Петрович и миссис Семеновна. Да и поделом, пожалуй.

А вот и название театра! Собирается кучка вокруг богемного бородача, который тусовался у них этим летом два месяца, жмут руки, обнимаются, глядишь, и первая поллитра на свет вот-вот вылезет. Но нет: в машину!

Вежливо разлетаются стеклянные двери, бредут актеры с тяжелым своим скарбом по огромной бетонной стоянке... Вот и блестящий микроавтобус, распихали багаж, расселись – теперь-то уж место у окна досталось, – и понеслась за окнами, не меньше сотни км в час, Голландия, провалы глухой темноты в разрывах фонарей и неоновой японской экспансии: SONY, TOSHIBA...

Что же это, правда – я за границей?

2. Европа, здравствуй!

Поселили, конечно, так себе. Но по нашим меркам – вполне сносная общага, к тому же в самом центре! Им досталась комната на четверых – разумеется, вместе с Венькой, да еще двое ребят, но без чужих, это уже хорошо.

А Венька исчез прямо в ночь, как приехали. Пока Саня обминал непривычный матрас под прохладной простыней и дисциплинированно боролся за сон на чужой земле, его друг – счастливый – бродил по неизвестному городу в центре Европы... А рядом безмятежно спали двое, словно им – что Амстердам, что Конотоп.

Утром Сане досталось его будить. Сбор труппы был назначен прямо в их общежитии в 12⁰⁰, что, конечно, в облом, и Венька натягивал на голову одеяло и вяло шевелил левой пяткой, оказавшейся на свободе в компенсацию за голову. Саня глотал баночную кильку в томате и время от времени теребил эту самую пятку, получая в ответ в лучшем случае: «Убью, гад!» Без четверти настала пора решительных действий, и Савицкий с содранным после краткой борьбы одеялом капитулировал. Первые десять минут расспрашивать было явно бесполезно, но Веньку вдруг прорвало:

– Слушай... Нет, ты прикинь – вот так вот идешь, да – витрины, витрины, витрины, а в них ... – вся фигура Веньки изогнулась: пластичная рука, кокетливое подрагивание бедер и дебильная улыбка на заспанной физиономии не оставляли сомнений насчет того, что было в витринах.

– Девки! – выдохнул Венька.

– Серьезно, что ли? Прямо так?

– Ну, пошли, покажу, тут рядом совсем... А сбор... Ну да, потом. И вообще, конечно, посмотрел. Дворец королевский, корабли там, каналы, все такое... Это тебе не Речь Посполита, панове!

Венька уже бывал за границей – но только челноком, в Варшаве. Собственно, с того и жил, играя вечерами по подвалам у Самого. Один из немногих оставшихся первых мальчиков, не очень талантливый, но слишком преданный ученик – он так и просуществовал все недолгие годы их студии, а потом театра-студии, на второстепенных ролях по ту сторону кулис и в качестве неизменного участника всех главных событий – по эту, актерскую сторону.

На сбор они, конечно, опоздали, но не настолько, чтобы это было замечено. Сам произнес краткое поздравление господам актерам в связи с началом первых настоящих гастролей и пространное напутствие о личной ответственности за судьбу российского театра на международном арене, затем перешел к уточненной программе. Играть им предстояло не так уж и много, но довольно хлопотно – на разных сценах и в разных городках, причем на подготовку иногда оставался только кусочек дня между утренним приездом и вечерним спектаклем. Словом, концертные условия для настоящих спектаклей, и это при сверхзадаче заставить старушку Европу заговорить о них. Довольно странный был расклад аудитории – студенты, дом престарелых, еще какие-то малопонятные сборища. Словом, халтурка по провинциальным домам культуры, вот только за границей.

Зато предстояло поехать по стране. Ради этого Саня был готов терпеть любые неудобства, тем более что в географическом списке неожиданно вырисовалась Бельгия. Благо, визы для всего Бенилюкса единые.

Бородатый голландец молча и одобрительно кивал, кое-как понимая по-русски, а больше делая вид, и создавал эффект присутствия принимающей стороны. Но ничего, кроме протокольного приветствия, на его долю так и не выпало.

Для заключительной части Сам мудро передал слово Татьяне Акоповне, и та грудным сладострастным голосом обрисовала общую картину предстоящего шопинга – где, что, почему.

Выходило, что можно найти не так уж и мало и не так уж и дорого. Учитывая суровый режим оплаты и практически полное отсутствие суточных, это было очень здорово. Венька заранее приготовился купить подержанные «Жигули», с тем и привез сколоченную в Польше пачечку зеленых. Сане, конечно, до такого роскошества было далеко, но вот доступность кожаных курток его немало порадовала.

Сбор кончился достаточно быстро. Первый спектакль был только завтра, в университетском театре, на репетицию им отвели одно завтрашнее утро, и сегодня запарка предстояла осветителю, звукотехнику и, разумеется, Самому.

А день принадлежал актерам.

Веня пошел в комнату завтракать консервами, а Саня прихватил Лешу и Нину – и они спустились по крутой лесенке, толкнули тяжелую темную дверь и вышли в город.

До конца своих дней он будет вспоминать этот выход в столицу Королевства Нидерландов. Как рассказать о нем человеку, никогда не попадавшему из промозглой декабрьской Москвы в серую и ветреную голландскую зиму – точнее говоря, в голландскую осень, которая просто сделалась в декабре не такой ненастной и ждет февраля, чтобы смениться голландской весной? Этот мир полутонов серого цвета, ветра и моросящего дождя, сиротливых голых деревьев и влажной мостовой, легких курток с капюшонами и высоких длинноногих девушек...

Как передать тому, кто не попадал из нашего привычного совкового и постсоветского пространства, из наших хрущоб и Черемушек в этот мир узких каналов и горбатых мостиков, ровных острых крыш с завитушками по бокам и прозрачных буржуазных окон под ними? В первой же лавочке Саня купил карту города. Съев немножко валюты, она дала им свободу передвижений. Амстердам лежал на ней мозаикой разлинованных клочков земли между причудливых линий каналов. Северной частью он прилегал к неведомому заливу – то ли морю, то ли реке с причудливым названием IJ. Едва они развернули этот пестрый ковер, к ним подошел пожилой господин с палочкой и с ходу по-английски слепил пару простеньких фраз, а потом, не мудрствуя, ткнул пальцем: «You are here»², – хотя его вроде и не просили, и побрел себе дальше. Оказалось, они жили почти в самом центре, немного к западу. Расстояния выходили крошечными: сантиметр на карте – квартал на местности, и они все ходили и ходили по центру... С загадочного залива дул пробирающий ветер, но словно и не было холодно.

И еще – как описать тому, кто не покидал впопыхах Москву, матерящуюся по очередям конца 1991 года, ради города, где еда в магазине – не пожарный набат, а симфония Моцарта?

Нинка торчала у каждой, буквально у каждой витрины. В сырную лавку они все-таки вошли и горько пожалели. На полках красовалось то, что в Союзе давно утратило множественное число – там лежали *сыры*. Невозможно было даже обозреть все сорта, не то что выбрать. Продавец о чем-то спросил их, тут же сам перешел на английский, и Нинке не оставалось ничего другого, как схватить первый попавшийся кусок и обреченно протянуть продавцу – этот!

– Anders noch iets? Something else?³ – осведомился продавец. Ну, ясно: «Чего еще изволите».

– Ой, не надо, – с ужасом ответила Нинка по-русски и выскочила из магазина.

Как объяснить, что такое Европа?

Не так уж много их и было в этом городе, но со своими довелось встретиться дважды. Первой стала Татьяна Акоповна, уже приступившая к шопингу, – она выходила с разноцветным пакетом из какого-то универмага. Они, пожалуй, не прочь были бы зайти туда тоже, но на

---

² Вы находитесь здесь (англ.).

³ Что-нибудь еще? (нидерл., англ.)

первый день и без того хватало. Да и купленный сыр болтался крохотным пакетиком на руке у Нинки как безмолвный упрек в растрате пяти гульденов сорока пяти центов.

Вторым был, конечно, Венька. Леша увлек их к тихому поэтичному каналу с невероятно длинным названием, и они шли по узкой полоске булыжника между водой и домами, как вдруг перед ними вдали возникла необычная картинка. Напротив невидимой им витрины стоял и счастливо распускал слюни всклокоченный человек, и этим человеком был Венька. У чугунного столбика метрах в трех от него торчали двое голландских мальчишек лет по десять, бесстыдно хихикали и показывали на Веньку пальцами, но сами к витрине не подходили. Венька так и не заметил своих, пока не столкнулись вплотную – а из витрин глазело кокетливо прикрытое, толстенькое и нагловатое тело. Больше всех смутился почему-то именно Саша, а Венька рассмеялся счастьем первооткрывателя:

– Ну где еще русским в Европе встретиться, как не у борделя? Саня, я ж тебе рассказывал, вот же они. А вон там еще дворец королевский, видели? А на заливе были уже?

Нинка обронила с видом принцессы:

– Ну что, мальчики, ко дворцу пойдем или тут посмотрите?

– Да ла-адно, – отмахнулся Венька, – смотреть-то не на что, страшные они. Да и дворец тоже не Эрмитаж, так себе. А на залив сходите, там корабль клевый, старинный.

И они пошли на залив. Ветер усилился, пробирал насквозь, но и они не сдавались. Леша обнял продрогшую Нинку, и стало ясно, что в калейдоскопе актерских романов возникает новое сочетание.

Скученность домов распахнулась навстречу воде и небу, и перед ними встали тонкие вертикальные линии мачт, а чуть позже, за оживленной магистралью, на пространстве серой незамерзшей воды – легкие контуры яхт, и в отдалении – огромный парусный корабль, пиратский фрегат из мальчишеских снов.

И тут Саша – поверил.

А потом они все-таки замерзли и в маленьком угловом кафе пили горячий и прекрасный капучино, не решаясь на что-нибудь съестное, а за окном все ярче и призывней разгорался неон, и они поняли, что там уже стемнело.

И пешком обратно, извиваясь пальцем по карте и путаясь в сумасбродных названиях улиц, шарахаясь в проулках от шальных велосипедистов и вновь застревая у больших витрин. Ноги гудели, озноб во всем теле все явственнее грозил отозваться простудой, но глаза снова и снова требовали Европы, и невозможно было им отказать.

Они шли и глазели, голодные, замерзшие и счастливые.

3. Неплохо для начала

На следующий день утром был прогон, а вечером – первый спектакль. Они привезли с собой две вещи, очень разные и призванные представить собой два полюса современного русского театра – чеховского «Дядю Ваню» и «Орфея и Евридику», инсценировку поэмы некоего латыша, имя которого одни не могли правильно выговорить, а другие – вспомнить. Но поэма была славна именем переводчика – Даниэль, как гласило предание, сидел с автором в одном лагере и там от тоски взялся ее перевести. Поэтому пьеса получилась как бы произведением Даниэля и о Даниэле, стало быть – о диссидентстве вообще.

Первым шел «Дядя Ваня». Не имея мхатовского блеска и традиций, их театр неизбежно должен был стать противоположностью – отталкиваясь от Смоктуновского, подкупать «совершенно новым», как это называлось в критических эссе, «прочтением», хотя не вполне понятно, что же это такое – прочитать классическую пьесу так, как никто до тебя. Саше-то казалось, прочитали они ее просто так, как случилось прочитать вдвоем за бутылкой Самому с Первым.

Сам он всегда был – Сам С Усам. В меру талантлив и в меру удачлив, в меру осторожен и в меру диссидент, он с задорных шестидесятых сумел сохранить и пыл, и активность, и убеждения и умел все это прекрасно вписывать в «нашу прозу с ее безобразием», как говорил Пастернак. Будь у него дворянский герб, он начертал бы на нем девиз «Самодостаточность». Ни слава, ни карьера, ни деньги не имели для него никакого значения в сравнении с возможностью делать то, что он считает нужным, причем именно тогда и так, когда и как он считает нужным. Не худшее качество для режиссера, хотя и утомительное порой для актеров. Театр-студия принципиально не могла принести ни широкой известности, ни денег, да собственно, ничего, кроме огромных возможностей для самореализации. Но они любили его, а он любил их – а это уже немалая редкость в театральном мире. Пусть порой и странную любовью...

А Первый, неразрывный спутник и заклятый друг Самого, был, если честно, не первым – единственным. Прослужив два десятка лет в академическом театре на вечных вторых ролях, он в момент крутых разборок между тамошними первыми не выдержал и ушел в подвалы к Самому. Только он в этих подвалах обладал школой и опытом, только он выпивал со всеми звездами экрана и, судя по его рассказам, добрую половину из них подменял на сцене во дни киносъемок и запоев. Только он сумел вспомнить и примерить знаменитое цезаревское «лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме» и ушел с головой в эту их деревню, распушив в полном блеске свой собственный талант – разумеется, так и не оцененный за годы верного служения академическому театру.

«Дяде Ване» не требовалось столь сложной сценографии, как музыкальным «Орфею и Евридикой», поэтому неутомимый Сам лихо махнул на «Дядю» рукой и взялся за обкатку «Орфея». Сцена была удобная, и прогон шел легко. Саша сам пел довольно плохо, и поэтому в «Орфее» только проплывал несколько раз на заднем плане какой-то аллегорией. Пели другие, в первую очередь Леша и Нинка, у которых это действительно здорово получалось – Орфей и Евридика.

Диссидентство латыша простиралось даже на классическую мифологию, с которой он был явно не согласен, поэтому у него Евридика спускалась в Аид (читай – лагерь), чтобы вывести оттуда Орфея (читай – Даниэля). Поэма была так себе, но Сам вдвоем с подвальным рок-композитором и певцом Сережей сочинили музыку, и, что самое главное, сумели подобрать эту музыку к конкретным людям, заставить ее зазвучать в них, нашли скромный реквизит и яркую одежду. Словом, сделали за полгода конфетку, а потом еще около года домучивали спектакль уже на сцене, приводя филигранность постановки в соответствие с грубостью наличного материала – то одна отправлялась в декрет, то у другого садился голос, а то и просто «не шло». Но в Европу повезли спектакль уже в том состоянии, когда улучшать нельзя – потенциальные

возможности труппы исчерпаны, люди разыгрались, но еще не устали, публика еще не исчерпалась и не успела безнадежно помолодеть и измениться.

Быстренько отстрелявшись на прогоне, Саша хотел было улизнуть бродить по городу до вечера, но Сам вовремя отловил его:

– Слушай, ты ведь с английским?

– Ну так, со школы...

– Ну ты можешь, я помню. В общем, после спектакля намечена встреча, так что давай подумаем, как и что.

– Вы же хорошо по-английски, Юлий Ива...

– Да я-то да, а вот вы – как? Кроме меня и Первого, только ты более-менее сечешь. Так что давай. – И с ходу была составлена краткая программа импровизации, рассказа о театре и московской околотеатральной молодежи, чтоб не стыдно было.

И только потом Саше были дарованы три-четыре часа – снова погрузиться в Амстердам. На сей раз в одиночестве: нашел на карте Самый Большой Музей – Rijksmuseum – и потратил целую десятку... А в общем-то, Венька прав, с Эрмитажем не сравнить. Лучше бы еще по улицам побродил...

Спектакль пошел хорошо, по накатанному. Узость сцены заставила чуть-чуть упростить сценографию, приходилось немножко меньше двигаться, но в целом рисунок сохранился. Саша играл Астрова – роль явно не по возрасту, но на эту проблему в их театре смотрели широко. Саша лепил из Астрова энергичного, несколько потрепанного и самовлюбленного специалиста, каким ему и самому, пожалуй, хотелось бы стать, не будь он актером.

Войницкий в исполнении Первого был неожиданно комедиант – в этом и состояла главная новизна прочтения, принесящая их постановке некоторую славу. Серебрякова играл довольно талантливый актер несчастливой судьбы, еще не старый и еврей, что придавало спектаклю странный националистический привкус, который явно не был задуман ни Самим, ни тем более Чеховым.

Аплодировали мощно. Как ни трудно разгадать смысл реакции иноязычного и инокультурного зала, но на этот раз было видно, что их приняли.

А после спектакля их всех пригласили задержаться в небольшом зале в том же помещении студенческого театра Амстердамского университета. Туда прошла и немалая часть зрителей, как-то моментально образовался фуршет, и едва актеры с удовольствием принялись выпивать и закусывать, как над собранием возвысилась некая невзрачная фигура и на неплохом русском языке начала речь: «Дами и господа! Ми ради приветствовать в стїенах нашего уни-ферситейта исфїейстный москофский театр...» – и дальше много такого, что даже Сам о них бы не сказал, не то что они о себе. Впрочем, к застолью перешли довольно быстро.

Все Сашины приготовления к пытке английским оказались напрасны – большинство присутствующих неожиданно заговорили по-русски. В основном это были студенты-русисты, их преподаватели и бывшие жители Союза. Впрочем, эти категории, как оказалось, часто пересекались. Рядом с Сашей пристроился статный парень, поднес ему к водке кусочек соленого огурца, выразил благодарность за спектакль. Через несколько фраз Саша спросил:

– А ты сам здесь давно?

– В университете?

– Нет, в Голландии?

– С пяти лет. До этого мы с родителями жили в Суринаме.

– Ну?! А зовут тебя?

– Ян ван дер Велд. Можно – Ваня.

– Ян ван...

– ...ван дер Велд. Просто Ваня, больше ничего не надо. А тебя как?

– Да меня-то Саша... Я думал, ты русский...

Этот высокий парень с нордически-вытянутым овалом лица и явно неславянскими чертами говорил по-русски не то что без акцента – а именно что с московским выговором, как на нашей кухне. Нет, ну надо же! Он, правда, учился пару лет в России, но чтоб так...

Впрочем, пока что разговор с ним не особенно клеился, и Сашино внимание привлекли женщины справа. Тут же одна из них, русская дама лет тридцати в роскошном платье, принялась объяснять, что все они ничего не понимают в Чехове и что вообще все они совки (и спорить было бесполезно), но от нее удалось скрыться в укромный угол.

И тут к Саше подошла высокая миловидная девушка со светлыми волосами и приятно улыбнулась:

– Hoi! English, Français, Deutsch?

– English is better. I do not speak French, only know some words. Nein Deutsch!⁴

(«И все-таки придется напрячься, – подумал Саша, – а говорю-то совсем неуклюже, не по-английски как-то!»)

– OK. I want to thank you for the performance – I really enjoyed it.

– Thank you.

– Your Astrov was magnificent – a real Russian, as you call it, intelligent.

– Do you think so? I thought that Voinitsky is more typical.

– Why, I didn't like the way his part was played tonight.

– You didn't like what? – не понял Саша.

– The actor, the way he did it.

– Oh, he is a star...

– Really?

– Certainly.

– Honestly, I liked your acting better⁵.

Такая лесть была Саше уже не по зубам. Что хорошо – ладно, но чтобы лучше Первого...

– Oh, thank you very much... I don't know...

– Are you playing a role tomorrow too?

– Yes, but very small.

– By the way, my name is Ingrid⁶ – и изящно протянутая ладонь. Эта девчонка и сама неплохая актриса!

– And my name is Alexander, Sasha⁷.

Знакомство состоялось. А потом было еще много суетливых разговоров и бурных знакомств, по большей части не оставлявших в памяти ничего, кроме имени, да и то смутно. Саша перемещался от выпивки к выпивке и от закуски к закуске. И то, и другое не могло задерживаться на актерском фуршете, стол скоро оскудел, и общество начало расходиться. И когда уже и Саша направился в сторону выхода, его перехватила Ингрид:

– We're having a party next evening not far from here. Would you like to join us after the performance?

– Yes, gladly. Thank you. Isn't it too late?

– Not at all. You'll be just in time. Shall I ask Jan to accompany you after the performance?

---

⁴ – Привет! Английский, французский, немецкий?– Лучше английский. Я не говорю по-французски, только знаю несколько слов. Нет немецкий! (*нидерл., англ., франц., нем.*)

⁵ – Отлично. Я хотела поблагодарить вас за спектакль – мне очень понравилось.– Спасибо.– Ваш Астров был великолепен – настоящий русский, как вы это называете, интеллигент.– Вы серьезно? Мне кажется, Войницкий более типичен.– Ну нет, мне не понравилось сегодняшнее исполнение этой роли.– Что не понравилось?– Актер, его манера.– Но ведь он звезда...– Да?– Ну конечно.– Честно говоря, мне больше понравилась ваша игра (*англ.*).

⁶ – Ну что вы, спасибо вам большое...– Завтра вы тоже играете?– Да, но очень маленькую роль.– Кстати, меня зовут Ингрид (*англ.*).

⁷ – Меня зовут Александр, Саша (*англ.*).

- Jan?..
- Jan van der Weld. He's going to be there too.
- Yes. Thank you.
- OK. See you tomorrow!
- Good bye.
- Bye-bye!⁸

Вечер как нельзя более удачно завершился приглашением на новую вечеринку. И девочка очень даже симпатичная! И, как ни стыдно в этом признаваться, можно будет пожрать и выпить на халяву... Не все же мамиными консервами питаться. А о том, чтобы драгоценную валюту тратить на еду, страшно и подумать. Вот, проходили тут мимо кафешки: меню «всего» за 25 гульденов! Это же... да... долларов 15... а в рублях это будет... в общем, целое состояние за какой-то комплексный обед! Словом, спасибо тебе, Ингрид.

Правда, на обратном пути Савицкий, который приглашения не получил, прожужжал все уши, что свинством было с его стороны не добиться приглашения на вечер с вином и девочками для лучшего друга. Саня отшучивался про незваного-гостя-хуже-татарина (у Веньки дед был из Казани) и насчет того, что с Венькиной-то рожей да в Европы... Не упустил и козырнуть похвалой: выше Первого оценили! А насчет лучшего друга, усмехнулся он при этом про себя, – ведь и правда, пожалуй.

---

⁸ – Завтра у нас будет вечеринка, здесь неподалеку. Не хотите присоединиться после спектакля?– С удовольствием. Спасибо. Это не слишком поздно?– Ничуть. Как раз вовремя. Может, попросить Яна проводить вас после спектакля?– Яна?..– Яна ван дер Велда. Он тоже придет.– Да, спасибо.– Отлично. До завтра!– До свидания.– Пока! (англ.)

4. Наедине с собой и с границей

Утро третьего голландского дня было чистым и солнечным, впервые за все это время. Саша уже твердо помнил не только дорогу от общаги до театра, но и все ответвления – каналы, лавочки, подворотни. Вышел на узкую торговую Калверстрат, сотканную из маленьких лавочек и супермаркетов. Здесь у домов как будто не было стен, а только распахнутые двери и витрины, и они засасывали, как омут, – выйдя из магазина, он не всегда помнил, откуда в него зашел и часто направлялся в обратную сторону, пока вдруг не замечал, что здесь он уже проходил. К концу пути Саша был обременен поношенной кожаной курткой всего за полсотни гульденов, несколькими парами носков, деталями дамского туалета для мамы, да и еще какой-то дрянью, которую потом не без удивления рассматривал у себя в номере.

Куртка была кофейно-коричневой и казалась почти новой. Ближайшие несколько дней они с Венькой занимались поиском скрытых дефектов, а с Нинкой – поиском путей к их устранению. Выходило, что все прорехи в подкладке можно залатать, а главное, куртка прекрасно сидела и хорошо защищала от ветра, воды и холода одновременно.

Параллельно Калверстрат шел величественный проспект с двойным именем – Дамрак-Рокин, исполненный неторопливого достоинства, туристических агентств и сувенирных магазинов. Зашел Саша и туда. В первом же сувенирном стал набирать ерунды для родни и приятелей – и оказалось, что при всем внешнем разнообразии выбор крайне невелик. Несколько видовых открыток, пара фарфоровых домиков – все это как-то еще годилось, а основная масса сувениров была явно рассчитана на всеядных американцев: что-то в стиле родных слоников на комод, только на тему мельниц, каналов, деревянных башмаков и, для разнообразия, мужских половых органов.

Впрочем, хватит на сегодня шопинга. Захотелось вжиться в текущую мимо толпу, словно он сам себе задал такой вот этюд на актерское мастерство. Вот выходят из шикарного кафе две богатые старушки, блистательные и ухоженные леди с неизгладимой печатью банковского счета на лицах. Несется и хохочет стайка нагловатых, но незлых мальчишек-подростков, кажется, среди них и одна девчонка – а Впрочем, у них и не разберешь. Деловая дама выпархивает из неверно припаркованной машины и бросается в чрево какого-то туристического заведения, а машина остается ждать, лживо мигая поворотниками прямо посреди мостовой... Что, что в них особенного? Почему они не такие, как мы?

Выдернулась из толпы рука в шевитовом пальто, махнула Саше – пожилой господин чем-то интересовался. Оставалось только спросить:

– Do you speak English, sir?

– Yes. I asked you where's a bus stop.

– Sorry, I don't know. I'm a stranger here.

– Are you from England?⁹ (о, какая незаслуженная лесть для Сашиного английского!)

– No, I'm from Russia.

– Ru-sha? Where's it?

– Moscow, Soviet Union.

– Oh, Rusland! Mikhail Gorbachev! To-va-rish Yeltzin! Gorbachev is a good man. He is better than Stalin. Stalin was a killer, I know. Do you agree?

– Of course. Sorry, I've no time¹⁰. – Саша выматерился по-русски и быстро зашагал прочь.

---

⁹ – Господин, вы говорите по-английски?– Да. Я спросил вас, где автобусная остановка.– Простите, не знаю. Я нездешний.– Вы из Англии? (англ.)

¹⁰ – Нет, я из России.– Ра-си? Это где?– Москва, Советский Союз.– Ах, Рюсланд! Микаил Горбачев! То-ва-риш Йелтцин! Горбачев хороший человек. Он лучше Сталина. Сталин был убийцей, я знаю. Вы согласны?– Конечно. Простите, у меня нет времени (англ.).

Так какие они, какие? И какой – я сам?

Если честно? Саня и сам не знал, почему стал актером. Благополучный московский мальчик, единственный сын в средней семье того круга, что звался (и поделом!) советской интеллигенцией, он довольно рано начал ощущать свою «инаковость», и эту инаковость в нем, в отличие от большинства детей, так и не заглушили. Его не обошел стороной положенный набор занятий – языки, музыка и теннис, – но ничего из этого так и не закрепилось всерьез. Уже в старших классах стало понятно, к чему лежала душа и мозги: математика. Пошли районные и городские олимпиады, на горизонте бесспорно маячил мехмат МГУ и уже нащупывался некоторый бла́т.

Когда Саше было пятнадцать, от внезапного инфаркта умер отец, заместитель главного редактора одной из московских газет. Оказалось, что налаженность этой жизни зависела почти исключительно от его высокого положения, и все прежние двери не то чтобы резко захлопнулись, но открывались теперь как-то вяло, давая четко понять: по старой памяти, из уважения к покойному пока что можете обращаться, молодой человек. И Саша решил по-американски стать *self-made man*¹¹, не рассчитывая на милостивую протекцию «друзей отца».

В 16 лет он пришел к Самому впервые, еще в государственный театр – приятель пригласил. Потом уже за кулисами как-то в шутку попробовал повторить один эпизод из его роли – и эта шутка не осталась просто шуткой ни для Саши, ни для Самого, который случайно стал свидетелем. А дальше был уход Самого и всей его компании в многообещающую неизвестность, романтика перестроенных подвалов и болезненная влюбленность Саши в несуразную их студию и, наконец, всего через неделю после окончания школы – первый выход на сцену со словами – кажется, всего четыремья.

А по другую сторону занавеса... он не прошел в первый раз на мехмат по недобору баллов и во второй раз – прошел с тремя пятерками и одной четверкой. Отучился два курса и ушел в какой-то странный академ по липовой справке об экзотической болезни в преддверии блистательного провала сессии. Вгрызаясь зубами в программирование и вылавливал по знакомым конторам свободные компьютерные часы, как правило, ночные и нелегальные. Подрабатывал всеми пристойными способами и добился материального самообеспечения.

Академ завершился, Саша даже что-то успел сдать из угрожавшей отчислением сессии, – но на все не хватало ни времени, ни желания, и он решился просить второй академ. Это оформили уже как отчисление с правом восстановления, и так было честнее и приятнее: захочу – вернусь, захочу – нет. Тем более знакомые девчонки в деканате устроили так, что районный военкомат по-прежнему числил Сашу среди студентов. Долго так продолжаться не могло, но передышка была дана. И с течением времени Саша все яснее сознавал, что возвращаться он уже вряд ли захочет. Только пока не надо говорить об этом маме.

А по эту, главную, сторону... Он явно не вписывался в то, что должно было считаться образцом актерства. Впрочем, как и весь их театр. Еще на заре сценической карьеры он однажды беседовал с дальней маминной родственницей, бывшей актрисой доброй дюжины областных драмтеатров.

– Ты – актер? – говорила она тогда. – Ну что ты. Возможно, ты смог бы стать неплохим режиссером.

– Почему так? – удивлялся Саша.

– Понимаешь, актер... Это когда тебе на репетиции говорят: стань кверху жопой! – и ты сразу: вот так, да? Или так лучше? И стал. А ведь ты тут же задумаешься: зачем это кверху жопой? Может, как-то иначе? А вот это уж дело режиссера.

---

¹¹ Человек, сделавший себя сам (англ.).

Приговор оказался не только доходчивым по форме, но и справедливым по содержанию. Саша играл неплохо, но до краев был налит какой-то вымученной серьезностью – а этого Сам не любил. Да и школы никакой у него не было – а что такое талант без шлифовки? Можно было, конечно, промаяться, поступить в театральное, конечно, при поддержке Самого... Но ведь не было у Щукина щукинского диплома, не было и мха товского у первых мхатовцев. К чему скучные, обрыдлые еще по мехмату лекции, если можно – просто играть?

И он играл, и пару раз был отмечен рецензиями, многократно – Самим и захожими околотеатральными друзьями. И все-таки пока не было ни одного главного, безусловного признания, чтобы Саша понял – он актер. Он признавал, что талантлив, иногда, как и всякий актер, не отказывал себе в удовольствии помечтать о своей гениальности – но состоится ли все это на подмостках? Что он не математик – уже стало ясно, его обычное юношеское стихотворство тоже не сулило ему стать в один ряд с Пушкиным, а вот на сцене – как?

И эта невыясненность подстегивала, гнала на репетиции по чердакам и квартирам и на премьеры по убогим клубам и дворцам культуры, заставляла улавливать во вздорных иной раз требованиях Самого («встань кверху жопой») то неуловимое и существенное, что делало Самого – Самим, а его исполнителей – актерами. Но тот главный актерский стержень, который Саша должен был в себе обнаружить – или уйти со сцены, – пока никак не удавалось нащупать. Многообещающий мальчик... А дальше-то что?

Ну а пока – бегом на репетицию, не опоздать бы! Потом еще погулять можно будет, до спектакля. И вообще, репетиции на первых зарубежных гастролях – изощренная китайская пытка. «Есть такое слово “надо”», а не будь его – все они в полном составе разбежались бы в разные стороны, включая Самого...

5. Белорусская чаща

Спектакль в тот вечер казался неожиданно долгим, но ускорить его Саша был не в силах. Во-первых, в «Евридике» он был почти статистом, а во-вторых, время окончания спектакля, как известно, зависит не от скорости подачи реплик, а от неких мистических причин, которые актерам не дано разгадать.

У выхода его уже ждал Ян, и Саша бросил Веньке в ответ на недоуменно-обиженный взгляд:

- Ну, давай. До вечера.
- Да уж небось до утра, – парировал Венька.

Оказалось, что помимо Саши приглашены были Нинка, Леша и рок-певец Сережа, который и заведовал музыкальной частью «Евридики». Хотели позвать и Первого, но тот собрался посидеть втроем с Самим и голландским бородачом – по хорошо усвоенной гастрольной традиции они отдыхали за русской водкой от многохлопотных семей, которые у всех троих были к тому же не первыми по счету.

Вечеринка проходила совсем неподалеку, в однокомнатной квартире, совсем небогатой и вполне во вкусе московских студенческих берлог, даже и с горкой пустых бутылок на балконе. Саша так и не понял до конца, чья это квартира и в честь чего торжество. Народу помимо них набралось человек пятнадцать или даже больше – довольно тесно, и вечеринка была в самом разгаре.

Сережа – единственный из всех наших – оказался достаточно догадлив и богат, чтобы принести бутылку вина. Ее и подарили как бы от всех русских. Добропорядочный Ян тоже запасся бутылкой, и обе они влились в пеструю толпу напитков на низеньком столике.

Компания, к огорчению советских гостей, не ела, а лишь закусывала. Впрочем, соленые орешки, маслины и прочая мелочь не шли ни в какое сравнение с российской закуской. Им вручили бокалы, велели наливать себе самим (приказ исполнялся неукоснительно) и постепенно представили обществу.

Саша, как и полагается, начал с пива, но и вино решил не упускать из поля зрения. Впрочем, не успел он перейти от «де Конинк» к «Божоле Нуво», как некий господин средних лет вовлек русских в разговор на их родном языке:

- Господа, а как вы относитесь к распаду Советского Союза?
- Да пусть распадается, – махнул рукой уже душевно принявший Леша, – ну его, надоел.
- То есть вы одобряете создание Се-не-ге?
- Одобрям-с, как водится, – кивнул Леша. – А чё это?
- Как, вы не знаете?
- Да и в самом деле – что же это такое?
- Я в Таиланде был, вернулся совсем недавно, – мягкой и как бы извиняющейся улыбкой отозвался Сережа.

– А, это Ельцин с Кравчуком и с этим белорусом что-то придумали вместо горбачевского Союза Суверенных Республик, – кивнула Нина.

– Да, да, – ухватился господин, – белокрысы... белорус был Шушкевич. Они собрались в... Белорусской Чаще, так, кажется... и объявили, что СССР больше нет.

- Нет, кроме шуток?! – до Саши наконец-то дошло.
- Это так. Теперь они сделали – это называется... Содружество Независимых Государств.

Три славянские республики.

- Без чурбанов?
- Как-как? – не понял господин.

– Ну, Средняя Азия, братские народы, хрен им в редьку, – пояснил Леша.

– Нет, – лицо господина еще больше вытянулось от непонятого, но очевидного расизма этих милых русских, – только Россия, Украина и Белоруссия. Столица в Минске.

– Во-во, туда их, министров обделанных, – обрадовался Леша.

– Мальчики, в Молдавии такие фрукты... и вино такое домашнее бывает... «Изабелла»... – размечталась Нинка. – Это что, уже заграница?

– Ну. Считай, Румыния.

Господин сидел молча и несколько подавлено, не понимая реакции русских на развал последней в мире империи.

– Господа, но вам... не жаль?

– Горбатого? – угадала Нинка. – Знаете, такой анекдот: Шарапов с Жегловым разоблачают «Черную кошку»...

– Нин, да откуда ему, тут ведь не показывали.

– Да, а жаль. Не худшая роль Высоцкого. И такая неожиданная.

Господин подобрал спасательный круг и стал говорить о бардах и загадочной русской душе. Но ему не дали. Саша неожиданно резко встал, даже в нарушение этикета:

– Ребята, надо выпить. За конец прекрасной эпохи.

– Стоя, не чокаясь, – поддержал Леша.

– Да, конечно! – кивнул Сережа.

– Мальчики, там бордо... – встрепенулась Нинка.

– Who's commemoration?¹² – донеслось из англоязычного угла.

– Sowjetunie¹³, – ответили из голландского. И люди начали – почти всерьез – подниматься.

Огромный негр-американец безукоризненно точно и красиво запел без слов мелодию советского гимна.

Все стояли. Они вчетвером подняли бордовые бокалы под мелодию, поднадоевшую за всю предшествующую жизнь и тихо скончавшуюся несколько дней назад, пока они паковали чемоданы и не обращали внимания на телевизор... У кого оказалось налито – присоединились, а остальным было неудобно булькать под траурный тост.

Хохма перестала быть хохмой. Смущенные, они сели.

– Да что вы, ребята, – озираясь, пробормотал Леша, – это ж так. It's a joke...

– Сергей, а вы споете нам? – неожиданно вступила из другой половины комнаты девушка с тонкими чертами лица, каштановыми волосами и резким голландским акцентом, делавшим из слова «вы» что-то похожее на «фю».

И Сережа взял как бы случайно принесенную гитару, подобрал ослабевшую струну, чуть-чуть разыгрался и запел:

Над твердью голубой
Есть город золотой...

Он пел не очень долго и принят был с большим энтузиазмом, особенно голландской частью компании, которой тут же стал объяснять, что на самом деле песня-то не Гребенщикова, а Леша Хвостенко, да Леша уже и сам об этом слабо помнит, а Гребенщиков поет ее не вполне правильно. Голландцы слушали и делали вид, будто знают, кто такие Гребенщиков и Хвостенко.

Вечеринка снова распалась на маленькие группы; опустошались бутылки и темы разговоров, но тут же предлагались новые, и Саша, отяжелев после долгого дня и изрядного коли-

---

¹² Кого поминаем? (англ.)

¹³ Советский Союз (нидерл.).

чества бордо, вяло переключался с бокала на бокал и с человека на человека, не принимая участия в броуновском движении гостей по тесной квартирке.

Пришлось немного порассуждать о проблемах русского театра, похвастать баррикадной романтикой августа, живописать пустынную московских магазинов и тут же заверить, что возврата к старому «нормальные люди не хотят». Впрочем, это все было, скорее, на иностранную публику, а Сашу занимала проба вин и закусок, да еще хотелось понаблюдать общую атмосферу вечера и окружавших его людей. С кем-то он уже обменялся телефонами, с кем-то познакомился и кому-то наговорил вдоволь теплых слов на русско-английской смеси, но в целом вечеринка смотрелась безликой массой вроде опустошенных бутылок на балконе.

Наконец, по всем признакам настал момент уходить. Голландская часть компании уже подраассосалась. Сережа и Нинка с Лешей собрались идти вместе, и надо было к ним присоединиться, но прежде – попрощаться с Яном и Ингрид, которые и привели его сюда. Ингрид была совсем неподалеку, и он привстал по направлению к ней:

– I think it's time to go.

– Yes. Shall we leave together?¹⁴

Надо же, подумал Саша, вроде я сам зову ее с собой.

Надо было сказать иначе, «I shall go»¹⁵, что ли. Но... почему бы и нет?

– OK.

– We can use my bike if you ride and I'm... achterop.

– Ахтероп?¹⁶

Ингрид молча похлопала рукой позади себя и покрутила воображаемые педали. Ага, на багажнике. Ладно.

– Let's go¹⁷.

Ингрид тоже попрощалась с кем-то, вдвоем они оказались рядом с Яном. Саша кивнул ему:

– Ну, мы пошли.

– Приятно было познакомиться – ответил Ян по-положенному, не удивляясь новому «мы».

– Ну, еще увидимся, – а сам подумал, что навряд ли.

– Конечно. Пока!

И они вышли. Везти на багажнике рослую девушку, сохраняя равновесие, оказалось делом довольно трудным, велосипед все время вилял, а Ингрид смеялась и показывала дорогу. Потом пошло лучше, но Ингрид все равно смеялась, и он уже чувствовал ностальгическую нежность к ней, словно возвращалось что-то из отроческих дачных каникул, когда он тоже катал одну девчонку на багажнике... Только эта была совсем другой, взрослой, яркой, уверенной в себе, и с ней было хорошо.

Так они добрались до ее дома. Что же теперь, неужели тащиться отсюда до общаги, ночью? Да нет, вряд ли затем она его позвала.

– I'm afraid there're no trams now, – словно угадала Ингрид, – what time does your day begin tomorrow?

– At ten o'clock we meet in the hotel.

– Why don't you stay at my place tonight?¹⁸

---

¹⁴ – Кажется, пора.– Да. Уйдем вместе? (англ.)

¹⁵ Я пойду (англ.).

¹⁶ – Отлично.– Можно поехать на моем велосипеде, но только ты повезешь меня... на багажнике.– На багажнике? (англ., нидерл.)

¹⁷ – Пошли (англ.).

¹⁸ – Боюсь, трамваи уже не ходят... Во сколько тебе завтра на работу?– В десять мы встречаемся в гостинице.– Может, у меня переночуешь? (англ.)

А действительно, почему бы и нет?

Ингрид засмеялась и наклонилась к велосипеду, словно это он был ее героем в эту ночь. Оказалось, она приковывала своего скакуна толстой цепью к металлической решетке. А потом Ингрид взяла Сашу за руку и повела наверх.

6. Почему бы и нет?

Утром он еле успел в общагу, подхватить свои вещи. Венька злорадно усмехнулся:

– Ну?

– Порядок.

А больше поговорить не успели, срочно погрузились в тот же автобус, теперь уже со значительным количеством багажа. Саша пристроился у окошка, рядом, конечно, плюхнулся Венька, горячо задышал и стал требовать подробностей. Саша сразу дал понять, что их не будет, и стал нарочито громко рас рассказывать о соленых орешках к пиву, что были так хороши на вечеринке. Венька отстал, и Саша предался созерцанию пейзажа за окном. Каналы чередовались с коровами, коровы – с каналами, мелькали разно образные постройки, а вдалеке четкая линия горизонта пересекалась только редкими деревьями и подчеркнута вертикальными шпилями церквей. Скоро это надоело, и Саша провалился в сон – вдогон бурной этой ночи.

Но поспать не удалось – автобус уже через полчаса встал на маленькой площади около маленького отеля и им пришлось спешно выгружаться. Ящики, ругань, вздохи Самого, как вогнать спектакли в прокрустово ложе крохотной сцены? И сразу, с колес, репетиция... А Саша все плавал в какой-то мутной тяжести – состояние человека, несколько раз за последние сутки уснувшего, но так толком и не поспавшего. Но кончилась и эта колготня – теперь бегом досыпать в гостиницу. Саша, собственно, до сих пор не знал ни названия гостиницы, ни имени города.

Уснул не сразу, но проспал-таки пару часов. С черного дна его не без усилий вытащил голос звукотехника и рабочего сцены Васи Стреглова, с которым они делили номер на двоих.

– Саня, вставай, посетители.

– Мма... ну...

– Вставай, чудила, клевая телка подвалила.

– Что? Э?

– Телка. Тел-ка. Кле-ва-я.

– А... А?!

И он открыл глаза. Над ним склонилась Васина голова, от нее пахло сырокопченой колбасой.

– Подвалила, говорю, телка.

Саша приподнялся на локте и оглядел комнату.

На прикроватной тумбочке красовался натюрморт: свежесваренный, еще дымящийся стакан чаю рядом с кружочками той самой колбасы и увядшей полбуханкой бородинского. На Васиной кровати лежали свитер, джинсы и рубашка. Вася, замотанный по бедрам полотенцем, стоял рядом. В дверях была Ингрид.

– Hoi!¹⁹

– Привет... То есть Hallo.

– Have had a nice sleep?

– Yes... very nice²⁰.

Саша сел, сбросил одеяло, вспомнил, что сидит в одних трусах, бросился за брюками:

– Sorry...

– Not at all. I saw it already. What about having a walk through the city?

– How did you find me?

---

¹⁹ – Привет! (*нидерл.*)

²⁰ – Хорошо поспал?– Да... Очень хорошо (*англ.*).

– T’was easy. I knew the concert hall you were going to play in, cause someone had told me yesterday, so I came there and they told me about the hotel. T’was easy.

– Oh! What’s the name of the city?

– Don’t you even know? It’s Utrecht. What about a walk, I asked you? We’ve got three hours before the performance starts²¹.

Вася, уже одетый, вышел из ванной:

– Спроси, может, чаю ей?

– Would you like some tea?

– Actually, I’d like some coffee²².

– Кофе просит, Вася.

– Нету кофе. Ноу кофе, мадам... то бишь мадмуазель.

– Well, – Ингрид взяла инициативу в свои руки, – we can go down for a nice cup of coffee and then have a walk. OK?

– OK²³. Вася, мы пойдем, пройдемся. Саше даже стало стыдно, что он не знал названия города. Утрехт! Слово, знакомое по «Тилу Уленшпигелю» и засевшим в голове обрывкам европейской истории (Утрехтский мир), веяло чем-то таинственным, средневековым и прекрасным.

Уже начинало темнеть, на улицах и мостах зажигались огни и над самой водой – маленькие квадратики окон, чьи искаженные копии колебались на воде. С парাপета можно было войти в кафе, но Ингрид предложила сперва подняться на колокольню утрехтского собора, пока совсем не стемнело. В самом соборе оказался музей уличных органов, но он был закрыт. Надо же, оказывается, не только большевики из соборов музеи делали.

Они взбирались по бесконечной каменной лестнице, минуя зал, где некогда была подписана Утрехтская уния и положено начало государственности Нидерландов, и еще выше, и еще круче – к колоколам. Они бродили по узкому пространству камня, опоясывающему колокола, а под ними открывался весь город, окруженный полями и озерами... Город погружался в серую ветреную ночь, где терялись отдельные фигурки людей и автомобилей, зажигал все новые огоньки, цепочки огней, целые островки света. А они подождали, пока пелена сумрака и дождя не скрыла наполовину их самих, и стали целоваться.

Потом спустились на землю, к каналу, нырнули под мост, в уютную дверь, чтобы отогреться кофе и пирожными. В этом маленьком полупустом и полутемном зале со свечами на столиках, казалось, с минуты на минуту мог появиться сам Тиль со своими гёзами и проститутками, заказать на всех ром и капучино, немножко побуйнить, а потом расплатиться кредитной карточкой и нырнуть через тяжелую дверь обратно, в наружный блеск празднично-рекламных огней, отраженных чернотой канала.

Ингрид пресекла его рыцарскую попытку расплатиться и сказала, что она сегодня хозяйка и поэтому платит за все. Тонкая рука нырнула в изящную сумочку, достала бумажник, а из него – пластиковую карточку.

Официант унес ее в дебри кафе, вернул вместе с чеком, Ингрид вынула серебристую ручку и наложила на чек незамысловатую роспись. А потом, поколебавшись, бросила на столик пару монет – на чай.

– The service was OK, I think we can tip him²⁴.

---

²¹ – Извини. – Не за что. Я уже видела. Не прогуляться ли нам по городу? – Как ты меня нашла? – Запросто. Я знала, в каком зале вы должны играть, мне кто-то вчера сказал, так что приехала туда, а оттуда меня отправили в гостиницу. Запросто. – Ну! А как называется город? – А ты что, не знаешь? Утрехт. Так что, прогуляемся или нет? У нас есть три часа до спектакля (англ.).

²² – Хочешь чая? – Пожалуй, лучше кофе (англ.).

²³ – Ну так пойдем выпьем кофе и потом прогуляемся. Идет? – Идет (англ.).

²⁴ Обслуживание было нормальным, полагаю, можно дать чаевые (англ.).

А потом они еще бродили по улицам, нехотя приближаясь к зданию театра. Их обтекали предрождественские потоки обывателей-покупателей, нагруженных цветными пакетами и приятными заботами. С ними заигрывал рекламный Синта-Клаас в бутафорском епископском облачении и с негритенком. Они вклинивались в бесцеремонную стайку американских провинциалов в ковбойских шляпах и японских фотографов-любителей в безупречных костюмах.

Целовались и были счастливы. Хотя едва ли – влюблены. Им просто было очень хорошо друг с другом, хорошо и просто, и вряд ли стоило разрушать это праздничное, нестойкое счастье попыткой заглянуть дальше сегодняшнего вечера.

Договорились встретиться после спектакля в гостинице, и Саша, полуголодный и невыспавшийся, помчался играть Астрова.

– Слушай, после спектакля погуляешь часок, а? – бросил он на ходу Васе, и Вася понял.

Играл он в этот вечер спешно, как самому казалось – плохо, а как сказала ему Лариса Солодова (Соня) – с неожиданным зарядом эротизма по отношению к ней, который от Астрова вроде бы исходить не должен.

И после поклонов, не задерживаясь на очередной маленький выпивон с местными ценителями, бежал в гостиницу по гулким утрехтским проулкам. Даже с пути сбился один раз.

Так началась их полуторанедельная поездка по стране. Театр переезжал из города в город, задерживаясь в каждом не более двух суток, а чаще всего – сутки. Играли, иногда дважды за день, на маленьких сценах, приводивших Самого в священный ужас, но все как-то устраивалось. Принимали очень тепло, и знакомый бородач почти каждый день притаскивал Самому очередную местную газету, а то и две-три, со статейкой о них, где, как правило, умеренные похвалы прикрывали путаницу в фактах – не то чтобы злостное вранье, а так, журналистская приблизительность, когда Самого называли Антоном Павловичем, Чехова – латышским диссидентом, а «Дядю Ваню» путали с солженицынским «Иваном Денисовичем».

А для Саши началась какая-то сумасбродная жизнь: ко всем переездам добавилась Ингрид. Она приезжала, когда сама хотела, забросив на день-два свой университет, отправлялась в Леуварден или Роттердам (а это им как из Москвы в Клин съездить), вытаскивала Сашу побродить по городу, поила за свой счет бесконечным кофе и пивом, а после спектакля они выставляли из гостиничного номера очередного Сашиного соседа. Последним поездом она возвращалась в Амстердам отсыпаться, и никто не мог сказать, захочет ли она приехать завтра в новый город.

Саша вовсе не был сексуальным революционером (как и никто из их актерского круга, несмотря на внешнюю браваду) и не уважал трах ради траха, но с Ингрид... Оба они хорошо друг к другу относились, и вечерний секс в гостиничном номере становился еще одним невинным удовольствием после прогулки, кофе и пива – так почему бы и нет?

Этот тон – «почему бы и нет?» – задан был Ингрид с самого начала их европейского романа, и Саша не находил ни причины, ни желания этот тон переменить. Он понимал, что здесь, на Западе, бои сексуальной революции уже отгремели и отбирать ее завоевания уже никто не собирается. Они с Ингрид падали на очередную гостиничную койку не так, как революционер встает на баррикаде в рост со знаменем и кричит в нацеленные стволы что-то о конституции и избирательном праве, а как буржуа в погожий выходной отправляется к избирательной урне за своим всеобщим, прямым, тайным и равным.

Во всем этом была какая-то несуразность, но... Так было просто и хорошо, и они так дружили с Ингрид. Она знакомила его со страной, уводя его в уголки, до которых он бы сам ни за что бы не добрался, и рассказывала вещи, которых он никогда бы сам не узнал. Не любовь, не интрижка, а еще одно маленькое чудо в чужой стране, чудо с длинными светлыми волосами

и длинным носиком – в дополнение к башням и каналам... Такая яркая, теплая, сексуальная, в конце концов. Ну зачем, в самом деле, отказываться от такого? Никому же не мешает.

Но все спуталось, и не оставалось ни отдельных часов и суток, ни разрозненных точек на карте: некое сказочное пространство и время, тридевятое царство, тридесятое государство. Заполненное до отказа всем, чем только можно, до воспаления обостряющее все органы чувств... Он пил, вдыхал и впитывал его кожей, и чувствовал, что оно подходит к концу, по мере того, как приближается западное Рождество.

Последний пункт их гонки находился уже на территории Бельгии, в городе Брюгге. Они должны были сыграть «Дядю Ваню», погрузиться в автобусы, вернуться в Амстердам, переночевать все в той же общаге и утром отправиться в аэропорт. Не оставалось времени на прощание со столицей, да и на прощание с Ингрид тоже – в Брюгге она ехать не собиралась. Весь конец их романа должен был уложиться в краткие ночные часы сочельника, когда все благонаправленные семьи, сходя в церковь, садятся за праздничный стол... Это было щемяще грустно – уезжать в праздник, не увидев того самого торжества, к которому так обстоятельно и радостно готовилась вся страна, к которому и были подгаданы их гастроли.

Они сидели на узкой кровати гостиничного номера – впервые ему деликатно предоставили одиночный, без соседа, – и Ингрид неспешно собирала в охапку свои роскошные волосы, а потом снова распускала их, чтобы начать новую прическу. Она уже сказала ему, что не поедет в Брюгге, и как-то легко отнеслась к надвигавшемуся концу их романа. Сейчас она спокойно оденется и пойдет на вокзал – как всегда, к последнему поезду. Проведет сочельник в Амстердаме, наверно, сходит в кирху, потом переночует с ним, проводит, может быть, до аэропорта и поедет к своим родителям в маленький городок на севере Голландии порадоваться семейному торжеству.

А пока эти упрямые волосы, ее игрушка, словно важнее всех встреч и расставаний на свете – а может быть, она просто хочет, чтобы он запомнил ее такой, полуодетой, растрепанной, чтобы потом в морозной и вьюжной России каждый извив этих светлых локонов возвращался все отчетливей и мучительней?

Но все было проще – и более по-европейски.

– Sunny²⁵, – так переделала она русское «Саня», – you know what I mean... Why don't you stay for a week more? You can sleep at my place. You know, I'm single.

– Yes, but...²⁶ – Саше это даже и не приходило в голову.

– But what?

– The ticket has a fixed date.

– Can't you change it?

– I don't know... It may cost some money.

– If you need it, you can earn it.

– How?

– Don't you know, silly boy? There are some ways. You can wash dishes in a restaurant without any residence permit, or something. It's not like getting a meal ticket, but still a chance. May be you even find a place in a theatre, in due course²⁷.

И, оставив в покое так и не убранные волосы, стала одеваться. Они попрощались на этой полусказанной мысли, и она ушла в ночь, а Саша лег и чувствовал только прохладу постельного

---

²⁵ Санни – «солнышко» (англ.).

²⁶ – Знаешь что... Может, останешься на недельку? Можешь ночевать у меня. Я ведь живу одна. – А как же... (англ.)

²⁷ – Что? – В билете проставлена дата. – Что, ее нельзя изменить? – Не знаю... Это, наверно, денег стоит. – Так если нужны деньги, заработай. – Как? – А ты не знаешь, дурачок? Есть способы. Без вида на жительство можно мыть посуду в ресторане или что-то в этом роде. Это, конечно, не талоны на усиленное питание, но все-таки. А со временем, может, и место в театре найдется (англ.).

белья и приятную тяжесть во всем теле, после которой засыпаешь мгновенно и спишь глубоким и освежающим сном.

7. Доктор Астров из города Брюгге

Напоследок Европа решила показать ему лучшее из того, что имела. Времени между прибытием и спектаклем было совсем немного, и Саша выскочил в город, чтобы успеть хоть что-нибудь увидеть. Но его бегущий московский шаг гас на булыжной мостовой.

Этот город – средневековые с «ситроенами». Стены домов застыли в XVII веке, если не ранее, а жизнь за этими стенами потихоньку шла вперед. Фламандскому кружеву всех фасонов и видов было тесно в магазинчиках, и оно нетерпеливо выплескивалось на узенькие улочки, от которых отличалось лишь относительной недолговечностью материала и строго симметричным строением. А люди здоровались друг с другом на улице, и целовались, сидя на парапете узенького мостика, и пили пиво за столиками на тротуаре.

В одном из маленьких переулков он увидел девочку-подростка; она шла, уткнувшись в пеструю книжку, и что-то внимательно вычерчивала там пальчиком. Наверно, ищет дорогу по путеводителю – и Саша как-то невольно подошел поближе, взглянул на обложку: атлас Европы. Ищет дорогу домой по атласу Европы – или просто купила для школы, а теперь рассматривает? И он неожиданно для себя поздоровался с ней по-голландски:

– Хой!

– Ноі...²⁸ – несколько растерянно протянула девочка.

– Мах ик?²⁹ – и протянул руку к атласу. Девочка выпустила книжку из рук, Саша перелистнул несколько страниц и добрался до той, где желтел в необычной косой проекции краешек знакомого громадного пятна, нависавшего над пестрой Европой то ли угрожающим монстром, то ли первобытным океаном, который всегда окружал обжитой мир на картах древности.

– Ик – хир³⁰, – и ткнул пальцем в точку уже у обреза карты, словно на краю света, с надписью Moskau.

– Ben je van Moskau? – по слогам прочитала девчонка. – Wat leuk!³¹

Протянула руку за атласом, тряхнула рыжеватыми хвостиками волос и пошла себе дальше, бросив ему какое-то непонятное прощание. Атлас теперь беспомощно трепыхал страницами в ее руке – маленькая пестрая книжка, которая ни ей, ни ему не нужна, чтобы добраться до дома.

Дома... В Шереметьево будет, наверно, метель, такси слишком дорого, и автобусов нет... Дома – консервные банки и пачки макарон под маминой кроватью, розовые червонцы с Ильичом, которых слишком мало и в то же время слишком много, потому что в магазине на них все равно ничего не купишь... Дома – бегать от военкомата, делать перед мамой вид, что и в самом деле собрался учиться этой проклятушей математике, а перед Самим – что нет для него ничего святее их подвального театра. А на самом деле что? А ничего. Сугробы и выюга. Бре-дешь, бре-дешь по зимней улице, дошел до теплого угла – вот тебе и хорошо. Острограммился – вообще никаких вопросов не осталось.

А куда дошел, зачем... Зачем весь этот наш русский быт, бессмысленный и беспощадный, а вернее – безбытность. Зачем? Раньше – ради коммунизма или за свержение советской власти, ну вот свергли мы ее – а дальше? Почему вот они могут тут жить среди кружев и каналов, вот эта вот девчонка, которая ничуть не лучше тысячи таких девчонок в Москве, Сарапуле или деревне Гадюкино? И почему, почему, когда у меня будет свой ребенок – он никогда не будет жить так, как она? Как это несправедливо, если задуматься...

---

²⁸ – Привет!– Привет... (нидерл.)

²⁹ – Можно? (нидерл.)

³⁰ – Моя здесь (искаж. нидерл.).

³¹ – Ты из Москвы? Вот приколы! (нидерл.)

Может быть и правда, остаться на время? Вот и виза еще не закончилась. Вряд ли за просроченный билет возьмут дорого, да может, и вовсе ничего не возьмут. Денег уже, правда, не осталось, но можно будет подработать, Ингрид сказала. Ингрид, Ингрид, как ее бросить, такую... такую яркую и сочную, и она ведь сама предложила ему остаться. А вдруг это всерьез? Вдруг он упустит свое счастье?

Нет, надо, конечно, ехать. Дома – мама, приятели, возможный роман с чудной девочкой Дашей из химико-технологического, все свое и родное. «Брось дуришь, ты, в конце концов, должен», – зазвенел в голове чужой металлический голос. Среди актеров незаменимые – это как раз актеры молодые и неизвестные. Заболел Смоктуновский, на гастролях Доронина, запой у Евстигнеева – так для кого же из вечных актеров второго состава не честь, что на сцену выпускают их, дадут проявить и оценить себя по высшей шкале зрительского признания, на фоне звезды? Но Сашу-то никто не будет заменять. Значит, скандал с Самим. Возможно, вплоть до ухода из театра. А если сказать про безумную любовь с местной девушкой? Ну не наркота же, дело понятное и простительное. И придет на Сашино место другой мальчик, не лучше и не хуже, просто еще один из тех, кто бредит сценой, и, наверное, зря. Мальчиков много. Актеров мало.

Должен? А почему? Почему с октябрятских лет и по сей день он должен жить не так, как хочется, а так, как велят – партия, Родина, тусовка, круг приличных людей, этот их несурзанный театр, наконец?! Может быть, на самом деле это нас так ловят на эти красивые слова, ловят те, кто беззастенчиво пользуется нами? Мало кому он на самом деле в этой жизни что-то должен, мало кто пострадает от его отсутствия – да что там пострадает, мало кто заметит. Мама поволнуется и успокоится, Даша слишком девочка с обложки, чтобы это было всерьез. Приятели обойдутся. Вот только театр... «Если бы знать, что я актер, что это – мое и навсегда, тогда никаких сомнений...» Но какой он, в конце концов, актер... Так, клубная самодеятельность, сойдет для сельской местности.

Ведь не в том же дело, что здесь слаще есть и мягче спать. Да, от этого сыра, от этого кофе пьянеешь еще хлеще, чем от водки, не стыдно голодному в том признаться, но другое гнетет и не пускает. Не может он так, по отмеренному. Две недели вольного ветра – и снова пожалуйста головой в парашу. Он вышел тогда на баррикады для того, чтобы быть свободным и решать за себя самого. И сейчас он не может, просто не может подчиниться очередному свистку под названием «Родина зовет» и «есть такое слово “надо”». Ему с детства всегда хотелось ответить «есть такое слово “на хер”», и может быть, сейчас – последний шанс сказать это, хотя бы один раз в жизни.

Саша стоял на горбатом каменном мостике и долго смотрел в мутную воду канала. Под ним проплывали лодки с туристами, так близко, что он мог бы нагнуться и потрогать их головы. Он все смотрел и смотрел в эту воду, словно и не жадился полчаса назад увидеть до спектакля как можно больше, словно и не было в этом городе ничего примечательнее свинцовой водной глади – и вдруг понял, что никуда он отсюда не поедет.

И очнулся, побежал, расталкивая локтями публику, но повезло не заблудиться, успел ко времени явки на спектакль.

Первый, обстоятельно гримируясь в Войницкого, по обыкновению рассказывал непрофессиональному своему окружению профессиональные актерские байки. На сей раз это была история первых оттепельных гастролей московского цирка в Германии. Эту Саша уже слышал. Да и кто же ее не слышал – раз по десять?

– ... и тогда Никулин постучался в номер к сопровождающему, вошел и вежливо спросил: «Скажите, пожалуйста, как будет по-немецки “Я прошу у вас политического убежища?”» И этой гэбэшной сволочи пришлось всю последнюю ночь караулить в коридоре, пока Никулин сладко спал в своем номере...

– Да, теперь-то хоть всем театром оставайся, – сказал кто-то.

– Ну да, только железный занавес теперь с другой стороны строится. Без парткомов и берлинских стен, но ничуть не менее прочный. Очень тут все нас ждут, аж рыдают.

– Ну, как сказать. Видел, как нас принимают? «Рюсланд – дружба навэки!»

– Дык, в зоопарке тоже на слона приятно посмотреть. А к себе в квартиру – слона пустишь?

– Не-ет, все ж таки можно остаться. Только к чему? – резюмировала Нинка, безуспешно пытавшаяся перевоплотиться в «сырую, малоподвижную» (по Чехову) старушку-няню Марину.

– Да ведь в этой стране... – начал было эпизодический Вася-«работник».

– То есть в той.

– Ну да, ведь в той стране никогда ничего...

– А чё ж ты не остаешься?

– А в этих странах – кому мы нужны? Посмотри лучше, парик – нормально?

– Вот тут чуть-чуть. Все, давай. А все-таки – чё не остаешься-то? Не остаёсси-та чё, паря? – начала входить в старушечью роль Нинка.

– А я вот остаюсь, – сказал Саша.

– А от он остаётся... Слушай, Саш, что, правда? – опомнилась она.

– Навсегда? – равнодушно спросил Вася.

– Не думаю, – честно сказал Саша, – останусь, посмотрю.

– Значит, навсегда, – резюмировал Вася и подошел к окну. Он уже был готов и хотел покурить, а по джентльменскому соглашению с некурящими дым следовало пускать в окно. Повозившись с фрамугой, он впустил в тесную грим-уборную порцию сырого холодного воздуха, и разговор как-то стих.

– Саня, да ты что, – вступила серьезная и восторженная Лара Солодова (Соня), – ведь у нас, в России, все еще только начинается. Вот сейчас, когда уже без коммуны, когда свобода...

– Саша, а театр? – не отставала Лариса. – Кто будет играть?

– Незаменимых, как учил товарищ Сталин... – Саша попробовал отшутиться.

Лариса только махнула рукой. Вася смотрел в сумеречную пустоту и счастливо затягивался дорогой иностранной дрянью. Первый, уже в полном гриме, держал в руках свой шелковый галстук и смотрел то ли на Сашу, то ли на некую пространственную точку рядом с ним.

– Саша... Если это серьезно, то подожди. До завтра время еще есть. Посидим вечером, выпьем. Понимаешь... ты ведь актер. Ты правда – актер.

И горячая волна сомнения, благодарности и теплоты поднялась в Саше к самому горлу, почти до слез – и отступила.

– Спасибо, Дмитрий Федорович. Я же так с вами не расстанусь.

Но свет уже начал зажигаться, они с Нинкой вышли на сцену, и вот она уже налила стакан остывшего чаю, подала, неумело играя старческую немощь:

– Кушай, батюшка.

– Что-то не хочется, – ответил он и по роли, и от себя на их «останься».

Спектакль покатился по гладко наезженной колее, реплики и движения возникали как бы сами собой, и Сашино сознание, как это обычно и бывало, могло отключиться в достаточной мере, чтобы думать о вещах совершенно посторонних – и при этом без риска спутать текст. Эту способность Саша в себе не любил и считал ее признаком дурного актера – он не знал, что такое перевоплощение, он жил на сцене собственными повседневными заботами. Но не удавалось переломить это в себе, начать думать за своего героя, а не за себя. Верно говорила многоюродная тетка.

– Я стал чудачком, нянька... Поглупеть-то я еще не поглупел, Бог милостив, мозги на своем месте, но чувства как-то притупились.

Казалось, за всю эту поездку в нем только и осталось, что обнаженные, переполненные чувства – и лучше бы они и вправду притупились...

– Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю... Вот разве тебя только люблю, – склонился Саша в заботливом поцелуе над Нинкиным затылком. Вот она, вот она, интеллигентщина наша проклятая, вот та литературщина, в которой тонет Россия! А если – хочу, нужно, и даже люблю?! Что, неинтересно тогда?

– Может, ты кушать хочешь? – ответила «старушка» заботой на заботу.

– Нет. В Великом посту на третьей неделе...

Ах, как стыдно нам хотеть кушать! Великий пост идет в стране не третью, а тридцать третью неделю, и разговор не предвидится – а мы все делаем вид, что не в том проблема, что нам бы искусство спасти, культуру от разрушения, шестая симфония в блокадном Ленинграде. А кто же кушать не хочет – на самом деле? Только тот, у кого есть что покушать...

Вышел из дома выпавшийся Первый-Войницкий, пожаловался, что ест на обед разные кабули и пьет вина (а на самом деле Первый ест консервы и пьет то водку, то пиво, то смешивает), и как это все нездорово (водку с пивом – точно, а вот кабули эти загадочные – ой ли?), и как это плохо, что он спит, ест, пьет и не работает...

А потом Первый с Сашей стали обсуждать достоинства жены профессора и проблему ее верности – фальшиво это или нет. Господи, когда, где и почему были все эти проблемы? Кто в России, кто в Голландии мучается проблемой супружеской измены, кто придает ей псевдофилософскую глубину? Хочешь – изменяй, не хочешь – нет, ноу проблем.

А потом пришли мужики, все насчет пустоши – и вот только тут ничего не изменилось. Как не давали им пустошь при Чехове, так не дали и при большевиках, не дадут и при демократах, и все они будут ходить за ней к разномастным барам, а пустошь так и будет пустошью, и ничего на ней никогда не вырастет. В России, разумеется, не здесь. Здесь земля отвоевана у моря ценой человеческих жизней, здесь и слов тех нет, которыми так богат наш великий и могучий: пустошь, распутица, хлябь, бездорожье... Здесь не будут ломать голову над мировыми проблемами, не будут, как профессор, писать о реализме и натурализме, а будут жить – реаль но и натурально. Да, приземленно, да, без Чехова и Мейерхольда, но разве это хуже?

Но спектакль шел своим чередом, вне зависимости от внутренних, неслышных монологов его участников, и доктору Астрову подошло время произносить свою ударную речь о красоте и гибели русских лесов, до которых Саше, в общем-то, дела было не больше, чем гипотетическому доктору Астрову до красот города Брюгге, где ликовал и мучился Саша.

А когда Саша ушел со сцены, в маленькой комнатке, служившей им всем грим-уборной, пело радио – кто-то опробовал новокупленный дорогой и сложный магнитофон. Это был мягкий рок не очень высокого пошиба, на окне бурлил кипятильник в стакане, и Саша успел с комфортом выпить чая с московскими сушками, прежде чем пойти изображать голодного и пьяного Астрова.

Словно нарочно все сошлось наоборот – он играл не то, что чувствовал, и говорил прямо противоположное тому, что думал. Наверное, так было не в первый раз, но впервые все это резало так остро – может быть, потому, что играли они в этом чудном средневековом городе, где страдания российских мелкопоместных интеллигентов выглядели не менее экзотическими, чем повесть о вожде с острова Мумбу-Юмбу и его кокосовой пальме.

В антракте Сашу перехватил Сам.

– Да ты что, Смирнов, гребанулся?

– Что вы имеете в виду? – задал Саша неизбежный риторический вопрос, а сердце упало куда-то в желудок: ну вот, началось. Теперь не скоро кончится.

– А ты не понимаешь? Да ты думаешь, раз не Янаи – то раздолбаи, все уже можно, уже никто и ничего? Ты остаешься, а нас всех – вот, и вот, и вот, – энергичные жесты Самого

однозначно пояснили, в какой именно позиции ему предстоит подвергнуться принудительному половому акту.

– Да ну что вы, Юлий Иванович. Время не то.

– Ага, а ты у нас Ростропович! Только кто за тебя играть будет?

– Вы говорили, у Андрюши неплохо получается.

– Молод еще Андрюша. Ладно, ты мне лапшу-то не вешай, давай так – иди играй, не буду тебя дергать, но после спектакля подойдешь и скажешь: ты с нами или как.

– У меня тут, Юлий Иванович, девушка. И не пацан я, в конце концов! Могу хоть что-то решить за себя?

– Можешь? Ну... – Сам только махнул рукой и добавил: – Всё, на сцену.

Второй акт прошел уже на каком-то автопилоте, Саша внутренне проигрывал разные линии поведения с Самим, но ничего не получалось. И все же отступить он после всего этого не мог: мол, сдуру брякнул, простите мальчишку. Хотя, пожалуй, и впрямь сдуру...

А после спектакля они действительно сидели и выпивали – прямо в автобусе, по дороге в Амстердам, на заднем сиденье, чтобы побольше народу уместилось. С одного боку Саше жарко сопел в ухо Веня, то ли жалея о решении друга, то ли завидуя его смелости; с другого – дружески обнимал нехмелеющий Первый, подливая новые и новые порции «Московской». Он все говорил и говорил хорошие слова и вроде бы отговаривал – но не сказал ничего главного, решающего, ради чего стоило бы забыть обо всей ерунде и спокойно вернуться в Москву, тянуть лямку несуразного и любимого театра. Не то чтобы Саша ждал этих слов, но после неожиданной похвалы, полученной им сегодня от Первого, что-то такое могло прозвучать.

Может, Первый только слегка поугovarивал, а вот уговорить, заставить сделать выбор – не считал себя вправе? А может, Саша просто играл сегодня бездарно и все сказанное до начала спектакля относилось лишь к неожиданному и спонтанному блеску его первых амстердамских спектаклей? Блик, который неожиданно вспыхнул и пропал, мимолетный и несамостоятельный, как отсвет фонарных огней на черной воде каналов? Говорят, нет такого графомана, который не написал бы одного гениального стихотворения... Вот и Саша, наверно, бездарный актер двух-трех гениальных спектаклей.

Но уже Саша опьянел – и то ли плакал, то ли дремал на плече трезвого Первого, все больше убеждая себя в собственной никчемности, а разговор замирал, скатываясь в дружеские междометия, пока автобус отмахивал километры автострады на пути к Амстердаму.

Уже в номере гостиницы к нему пришел Сам. Лично. Саша не на шутку перепугался, что он, вдребезги пьяный, сейчас скажет или сделает что-то такое, после чего Сам на него и посмотреть не захочет.

– Что решил, Смирнов?

– Я... Юлий... эээ... Ива...

– Что решил, я спрашиваю? Ваньку-то не валяй, не на сцене!

Саша не валял ваньку. К горлу внезапно подступила мучительная и неодолимая тошнота, и он боялся, что сейчас вместе со словами его вырвет, и позор будет гораздо страшнее дилеммы «оставаться или ехать».

– Эээ... щас... простите.

Саша шагнул в сторону туалета. Один его знакомый хиппарь про такое говорил: помолиться фарфоровому богу. Точно, ничего нет сейчас важнее, чем склониться в поклоне над унитазом.

– Я щас.

Когда Саша вышел, Самого уже в номере не было. Он не вынес того простого факта, что сперва собирались ответить унитазу, а потом уже ему. Что ж, может, так оно и лучше.

Саша проснулся рано, сам, к собственному удивлению, раздетый и в кровати, хотя конца вечера не помнил совершенно. Он успел покидать свои вещи в сумку, чтобы вовремя выйти к подъезду общаги. Стоял серенький ветреный денек, солнце уже поднялось, а актеры рассыпались по узкому тротуару в ожидании автобуса. У Саши неожиданно ломило голову с похмелья, и актерские лица слились в какую-то серую кашу, которая то с безразличной симпатией, то с радушными напутствиями хлопала его по плечу и чмокала в щечку. Сам его в упор не замечал.

Откуда-то взялось «на посошок – счастливо оставаться», и от водки на голодный желудок похмельная голова прояснела, спать расхотелось. Он помогал распахивать пополневшую поклажу в тесное багажное подполье автобуса, чувствуя себя все еще нужным человеком, и пожал холодно протянутую руку Самого, на лбу которого огнем горело: «Предатель!» – и еще раз обнялся и поцеловался с кем-то, и просил кому-то что-то в Москве передать, ведь написать он не успел даже маме – ну, короче, увидимся, бывай...

А вот и Венька, и он тоже почему-то не едет с ними – ах ну да, он же вчера уже рассказывал, только с пьяных глаз Саша ничего не запомнил – сторговал-таки машину, и даже не «жигуль», а настоящую «ауди», хоть и сильно подержанную, и теперь своим ходом домой, через Германию и Польшу. Транзитную немецкую визу заранее раздобыл, жучила.

– Ну все... бывай, автовладелец. Поаккуратней там, бандюки на дорогах.

– И ты бывай, первый любовник.

И вот автобус плавно затворил дверь и тронулся, а Саша поволок по тротуару сумку, не особенно сознавая, куда идет...

Потом он сидел в каком-то парке на скамейке, кутаясь в воротник кожаной куртки и разглядывая толстых самоуверенных уток на берегу канала. Одна из них поднялась и неуклюже полетела, вызвав легкую рябь на свинцовой незамерзшей воде – и словно огненной вспышкой промелькнул в похмельном мозгу полубред-полувидение: огромный белый самолет с нарисованным на хвосте красным флагом разворачивается и замирает перед взлеткой, наращивает вой турбин и медленно начинает разгон, постепенно пропадая в мутной дали, и все-таки успевает оторваться от бетонной тверди и подобрать из-под крыльев шасси, прежде чем окончательно растаять в сером мареве низких дождевых облаков.

Саша посмотрел на часы: точно. Минута в минуту. Он встал и, рывком стряхнув с плеча маленькую веточку, вдруг понял, в какой части города находится и как пройти отсюда к Ингрид.

8. Королевство, в котором Рождество

И на полпути к Ингрид он понял, что здесь сегодня Рождество. Значит, торопиться некуда. Ингрид уехала к родителям и вернется только поздним вечером. Впервые за суматошные эти дни ему было некуда спешить и нечего делать.

Улицы были пустее и тише обычного. Утро еще не кончилось, и из серокаменной массы протестантского собора доносилось пение под орган. Саша толкнул тяжелую незапертую дверь и вступил в пространство чужого праздника.

Служба была по-французски, но храм явно не походил на католический – не было ни икон, ни статуй. Теплый золотисто-серый оттенок голых стен отсвечивал, но не согревал огромное воздушное пространство. На полупустых скамейках сидели нарядные люди, в основном дамы лет под пятьдесят, но были и целые семьи. Посредине церкви расположился маленький симфонический оркестр, человек семь музыкантов, а над ними возвышался на кафедре галантный проповедник. Он что-то вдохновенно говорил, но Саша знал по-французски только отдельные слова и понять смысла не мог. Он тихонечко пристроился с краю последней скамейки, и едва он сел, как проповедник пригласил всех помолиться. Люди встали, раскрыли красные книжечки и запели под изысканное органное сопровождение.

Саша чувствовал себя дураком – надо же, не сообразил взять такую книжечку при входе, где лежала целая стопка, и теперь не только не знает, что они поют, но и выглядит глупо с полураскрытым ртом и недоуменным взглядом. Но молитва скоро закончилась, люди сели, и необременительная служба плавно потекла к естественному концу. Немного поиграл оркестр, еще немного помолились, а потом проповедник спустился с кафедры, поднялись со своих мест прихожане, все стали посреди церкви в круг. Проповедник настойчиво, но ненавязчиво обращался и к тем немногим, кто остался сидеть на местах, и Саша спешно поднялся и встал в этот же круг – было как-то даже невежливо отказать этим людям, так тепло приглашавшим его к себе.

Он наконец-то понял, к чему призывает проповедник. Начиналось причастие. На большом серебряном блюде были разложены куски хлеба вроде лаваша. Появилась на свет чаша, тоже большая и серебряная, а потом еще отдельный поднос с маленькими чарками. Проповедник отведал хлеба и отпил из чаши, а потом пустил их по кругу. На полшага позади чаши шла, словно официантка на приеме, женщина с подносом, и каждый мог по желанию причаститься из общей чаши или воспользоваться (несомненно, в гигиенических целях) маленькой отдельной чарочкой. Саша отпил из большой – было бы опять как-то невежливо показывать им, что он брезгует.

И почти сразу после причастия, прочитав еще пару коротеньких молитв, публика начала расходиться – так же молча и самостоятельно, как и сидели в церкви. Сашу – все так же за компанию – вынесло на улицу, но, в отличие от остальных, его не ждало тихое семейное торжество. И его Рождество должно было наступить еще только через две недели, парадоксальным образом после Нового года.

Пожалуй, Саша считал себя верующим. Он был крещен в детстве, несколько раз причащался на Пасху – сперва заодно с другом, потом и сам – по какому-то смутному, но острому внутреннему толчку. Это было действительно хорошо и важно, особенно когда что-то не так, когда мерзко и одиноко. Настораживала только требовательность и навязчивость всех, кто стоял на божественной лестнице хоть на одну ступеньку выше него самого: без исповеди к причастию нельзя, три дня поститься и каноны вычитать, с полуночи ничего не есть, не пить, не курить, а вот еще правило, и еще, и еще... Он как-то удачно избегал всех этих строгостей, а когда в последнюю Пасху на общей исповеди его чуть было не завернули и пустили причащаться только «ради праздника», он несколько обиделся и решил больше к тому священнику

ни за какой мелочью не подходить, не то что на исповедь. Впрочем, с тех пор и у других бывать не доводилось.

И тут эта странная служба... Их открытость и вместе с тем безразличие: прочитал он каноны или нет, постился ли он (а он не то что не постился, а уже и опохмелился с утра), да и вообще кто он такой, крещеный ли. И все же не было того радостного успокоения: ну вот, теперь причастился, вроде как долг какой-то вернул Богу, до следующей Пасхи в расчете. Как на чужую вечеринку заглянул. И как турист, Саша на выходе посмотрел название церкви: *Waalse kerk*³². Церковь вальсов, что ли? Вальсы тут танцуют? Может, и танцуют, если вспомнить, что в утрехтском соборе устроили музей уличных органов. А что, и оркестрик тот, может быть, по вечерам играет, люди танцевать приходят.

Ехидно усмехнувшись собственной, скорее всего неправильной, догадке, Саша пошел бродить по праздничным и неприветливым улицам. Московское Рождество бывало совсем иным. Пьяным, морозным и веселым, с неизменными тусовками и стихами Бродского про кораблик и тоже зачастую с заходом в церковь, где тесно от шуб и старушечьих серых платков, где все по-другому.

Весь этот город, который Саша прежде торопился проглотить, не разжевывая, лежал теперь перед ним – без спешки, но и без смысла. Редкие прохожие торопились по праздничным делам, моросил мелкий холодный дождь, и не было даже привычного голландского ветра. Картинки не задерживались в сознании – как на школьной экскурсии по ленинским местам. Надо же – здесь, в этом королевстве сегодня Рождество.

Он пошел к дому Ингрид и долго ждал ее у подъезда. Она появилась, когда начало темнеть, а Саша уже проголодался и продрог до такой степени, что все казалось безразличным. Ингрид бросила дежурное приветствие – ничего необычного, день как день. И открыла дверь.

Взобрались на третий ее этаж по лестнице, где мебель крупнее табуретки не пройдет (и человеку с сумкой сложно), про себя отметил: так вот на что у них крюки под самой крышей! Мебель на веревке через окна втаскивают.

Теперь было время осмотреть ее квартиру – не то, что в первый раз. Одна комната метров на шестнадцать и совсем тесная кухонька. В одном из углов комнаты стояла низкая широкая кровать, покрытая уютным клетчатым пледом, а в другом – обшарпанный письменный стол с горделивым новеньким «макинтошем». Над столом висели книжные полки, а на них десятка два книг – и судя по всему, больше их в этой квартире не было. Вдоль противоположной стены, от угла до угла, стояли в ряд шкафчик, тумбочка с маленьким телевизором, другая тумбочка побольше и на ней какие-то нераспакованные свертки. Елки нигде не было.

В комнате оказалось довольно прохладно даже по европейским меркам, и Саша никак не мог согреться.

Ингрид упорхнула на кухню. Почти сразу же появилась снова со столовыми приборами в руках, сгребла на дальний край письменного стола тетради и бумаги и стала расставлять посуду. Саша вызвался помочь, и она передала ему из холодильника пару бутылок пива «Хролш» (а Саше бы как раз чего погорячее!) и еще откуда-то – пачку картофельных чипсов.

Ужин состоял из полуфабрикатов – довольно вкусных и, возможно, дорогих, но Саша как-то с самого начала настроился на рождественскую романтику с милыми домашними радостями и шампанским, и все было не то чтобы плохо, но как-то совсем *не так*. Впрочем, ел он с огромным аппетитом (ведь впервые за весь день), наконец, осоловел, согрелся, по эскимосскому методу – плотной едой.

Для Ингрид у него уже был приготовлен подарок – сережки из московского сувенирного магазина, под малахит. Совсем недорого, но очень изящно. После ужина он извлек их из сумки, попросил Ингрид закрыть глаза и вложил в раскрытую ладонь. Отмерив положенное удивление

³² Валлонская церковь (*нидерл.*).

и радость, она достала из маленькой тумбочки изящно перевязанный сверток и отдала Саше. Это был кожаный бумажник. Мда-а... В его-то положении – не то изящная издевка, не то стимул к действию: чем заполнишь?

Они вместе убрали со стола, потом Ингрид смотрела телевизор, а Саша в благодарность за угощение мыл посуду. Ему уже мучительно хотелось спать, и он мог только мечтать о том моменте, когда кончится этот несуразный рождественский вечер. Он подумал, что сегодня, наверно, им надо быть с Ингрид вместе, но он не находил в себе ни сил, ни желания. Когда он вернулся в комнату, Ингрид уже стелила постель. Он неуверенно подошел к ней сзади – и с облегчением услышал:

– Not tonight, Sunny. I can't³³.

---

³³ – Не сегодня, солнышко. Мне нельзя (*англ.*).

9. Совершенно новый год

Дни рождественских каникул были наполнены какой-то хрустальной прозрачностью и пустотой. Они с Ингрид отсыпались после бурных гастролей и вставали несколько дней подряд почему-то точно в половине двенадцатого. В Сашином мозгу свербела мысль «надо бы пойти что-нибудь сделать», но делать совершенно ничего не хотелось, да и нечего было. Представительство «Аэрофлота» наверняка закрыто на выходных, да и телефонной книги под рукой не оказалось. Так что узнать о новой дате вылета было невозможно. Саша понимал, что нельзя постоянно жить на деньги Ингрид, а свои уже кончились. Но и для поиска «левого» заработка лучше было подождать конца рождественских каникул и возобновления деловой активности.

Впрочем, если признаться самому себе, просто не хотелось разрушать безмятежность существования, и все дела сами как-то выстраивались в запутанную цепочку причин и следствий, конец которой находился вне пределов Сашиних способностей. Надо позвонить в Москву маме, да, пожалуй, и Даше, но для этого нужны деньги, а значит – сперва придется устраиваться на работу. Надо что-то решить и со сроком отъезда, но для этого надо сначала побывать в конторе «Аэрофлота» и, похоже, опять-таки устроиться на работу, ведь наверняка понадобится что-то доплачивать. Сходить, что ли, в университетский театр и справиться насчет места... но для этого надо разобраться со всем остальным.

Выходило – прежде конца каникул заботиться не о чем и незачем. Время наполнилось невольной ленью, и от этого особенно долго длились ранние вечера. Казалось невероятным, что еще несколько дней назад все это было – вновь, взхлеб, до дрожи... Куда все это делось? Неужели только скорый отлет раскрашивал во все цвета радуги эти сумрачные голландские города и этот технически безупречный секс с Ингрид? Теперь приходилось буквально совершать над собой усилие, чтобы заполнить время маленькими развлечениями вроде прогулки по вечернему парку или похода в кафе по соседству. Однажды они пошли в гости к Яну. Отменная вежливость не позволила ему удивиться, что Саша остался – или же он подозревал о чем-то подобном с самого начала.

Плавное течение полусветской беседы на хорошем английском буквально усыпило Сашу, да и его языковые способности явно отставали от уровня Яна и Ингрид. Саша подумал даже, что им совершенно не стоило отказываться от родного языка в его пользу – он бы мог подремать и под голландскую беседу. Но неожиданно всплыла новая тема. Ингрид упомянула Сашино желание найти работу, и Ян наконец-то перешел к осязаемым материям. Он пообещал справиться у своих знакомых по русской церкви – и так неожиданно выяснилось, что тут, в Амстердаме, есть русская православная церковь, и Ян в нее ходит и даже поет в хоре. Заодно последовало приглашение на православное Рождество, которое тут, как и в России, справляли по юлианскому календарю, седьмого января.

А потом наступил Новый год.

Они решили встречать его по-амстердамски – на улицах, среди фейерверков. Уже за несколько дней до праздника то тут, то там над городским небом взлетали с ревом и свистом миниатюрные модели баллистических ракет – амстердамцы пробовали припасенные фейерверки. Апогей, конечно, должен был наступить в новогоднюю полночь в центре города.

Они оказались там около половины двенадцатого. На улицах уже собирался народ, который явно не хотел встречать праздник за накрытым столом. Впрочем, душевно принять кое-кто успел заранее. Слегка возбужденные кучки народа перемещались по улицам и поглядывали на часы, а наиболее домовитые заняли позиции наизготовку у собственных дверей, с фейерверками в положении «ключ на старт».

Саша с Ингрид переминались с ноги на ногу на одном из мостиков. И вдруг – с угрожающим шелестом прямо рядом с ними ушла в небо первая ракета, рассыпалась наверху снопом желтых брызг, и чей-то истошный бас пророкотал под ухом: «Gelukkig Nieu Jaar!»³⁴

И началось. Саша ожидал ярких впечатлений, но что это будет *так*, он и представить себе не мог. Вверх и вдоль улиц, с одной стороны на другую и из окон вниз летели со свистом, воем и грохотом петарды, ракеты, шары, и то, чему нет и не может быть названия, – и все это вертелось, шипело и взрывалось на лету. Саша оглох, а потом утянул беспечную Ингрид к стенке, в более безопасное место, и не зря – в центре мостовой рвалось гораздо чаще, чем у стен. На противоположной стороне улицы уже вовсю горели обе шины чьего-то велосипеда, а через некоторое время показалась машина «скорой помощи», с трудом продиравшаяся через толпу.

На двадцатой минуте нового года Сталинградская битва потихоньку превратилась в обычное мирное веселье. Тогда они влились в хаотичную праздничную толпу и отправились бродить по улицам. Выпивки было куда меньше, чем бывает по такому случаю в России, да и народ был не так раскрепощен, общего веселья не наблюдалось. Гуляющая толпа все-таки состояла из отдельных личностей и групп личностей, каждая из которых свято уважала свободу других. Только поздравляли друг друга иногда...

Вернулись домой уже под утро и сразу же завалились спать.

На следующий день Сашу ждало небольшое объяснение с Ингрид. Нормальная русская девчонка, наверное, постаралась бы сделать ребенка или завести парня на стороне, стала бы динамить или завлекать – смотря по уму и характеру. А может, закатила бы истерику с заламыванием рук и бесконечной цепочкой риторических вопросов: «Ты что, меня разлюбил? У тебя другая? Это правда?» – и пришлось бы давать дежурные успокоительные ответы, думая про себя, что и любви-то особо никакой не было, так, перепихнулись. И Саша не начинал такого разговора именно потому, что терпеть не мог всего этого бабства.

Но не то – с гордой и прекрасной Ингрид, правнучкой воинственных батавов и вольнолюбивых гёзов, хладнокровных моряков и прижимистых торговцев, трудолюбивых фермеров и добропорядочных их жен. Ясным днем 1 января 1992 года она хорошо поставленным голосом произнесла длинный и изящный монолог, из которого Саша понял далеко не все выражения, но хватило и понятого.

Собственно, почва была уже давно готова. Размеренное буржуазное супружество им по определению не грозило, настоящих girlfriend'a и boyfriend'a из них как-то не получилось, а о вялом совковом «сожительстве» и думать не хотелось.

Она важно сообщила ему, что в отношениях на ступил кризис и она будет рада, если они останутся добрыми друзьями. Конечно, пусть он поживет у нее. Интересно, не справлялся ли он о переносе даты вылета?

Все было просто, понятно и намного хуже простого русского бабства. Ингрид начала этот роман, она же указала на его завершение, заблаговременно известив партнера и позаботившись о взаимоприемлемой форме расставания. Наконец, она сделала кофе и подала его к столу вместе с печеньем и бутербродами, попросив его помыть посуду после завтрака.

Без нервов и особенных чувств, с твердым осознанием ситуации и глубоким уважением к личности друг друга – так завершался их роман. А собственно, не так ли и начинался? Да и был ли он? Что он знал об этой девчонке, что он в ней видел? Это не утрехтская ли башня притворилась ее тонким носиком, не амстердамские ли каналы сделались ее серыми глазами? Может быть, она – это просто Дева Голландия, ловящая прохожих странников? Русалка, напо-

---

³⁴ С Новым годом! (*нидерл.*)

ившая его зельем под видом кофе, утянувшая его на дно морское? Надо же, какая нелепость взбредет порой в голову...

Саша пережил этот праздничный день в терзаниях и безделье, не понимая ровным счетом ничего. А на следующий пошел в контору «Аэрофлота». В просторном и хорошо обставленном помещении конторы сидело всего два человека, и оба отказались говорить с ним по-русски, хотя из задней комнаты явственно доносилась русская речь. Пришлось переходить на английский, и Саша даже не сразу понял, что ему объясняют. А когда понял, то вздрогнул. Его билет был куплен по самой дешевой таксе, не предусматривающей переноса даты. Теперь он просто-напросто пропал. Чтобы купить новый, надо заплатить немногим меньше тысячи гульденов. Были еще какие-то скидки, но они мало что значили в подобной ситуации. Ловушка захлопнулась.

Он вежливо простился с видом человека, который просто осведомился о покупке, но пока не захватил с собой наличных, и вышел на улицу. Некоторое время он бессмысленно бродил по улицам в центральной части города, разглядывая витрины и вывески и пытаясь сосредоточиться хоть на какой-то мысли. После вчерашнего разговора делиться этой новостью с Ингрид было нельзя, тем более нельзя было просить ее о помощи. Надо немедленно наниматься на работу и работать по пятнадцать часов в сутки, где только достанется, собрать деньги на билет. И даже больше: заявиться с ворохом подарков для родных и друзей, с навороченными прибабасами для себя! Пусть знают, что его поступок был не мальчишеской блажью, а приятным европейским вояжем.

Но начинать поиски работы надо было прямо сейчас, а это пугало. Как он помнил, для несчастливых обладателей социалистических паспортов оставалось мытье посуды в ресторанах. Собственно, так и описывалась жизнь европейских бедняков в старых журналах «Крокодил». Оставалось только выбрать дверь, в которую он войдет и предложит свои услуги. Но одна казалась слишком роскошной, другая пугала непрозрачностью, а третья просто смотрелась неприветливо.

Впрочем, что уж тут привередничать! Саша толкнул первую попавшуюся дверь и оказался в немногочисленном уютном кафе. В маске уверенного дружелюбия Саша приблизился к официанту. Тот учтиво сказал что-то по-голландски и показал на пустующий столик. Саша сглотнул слюну и спросил:

– Good afternoon. Do you need a worker?

– What do we need, sir?

– A worker. To wash dishes or something. A job.

– You can talk to the manager, *chap*³⁵, – и официант указал на дверь в углу, за которой скрывался менеджер.

Еще раз сглотнув, Саша вошел внутрь и оказался в тесном коридорчике. За приоткрытой дверью слушались звуки оживленной канцелярской деятельности. Саша постучал, дождался ответа и вошел. В крохотной комнатке за столом сидел пожилой господин в мягком темном свитере.

– Good afternoon, sir, – начал Саша, – do you need a worker?

– Are you a foreigner?

– Yes, sir.

– Where from?

– Russia.

– You've got a residence permit of course?

– No, sir.

---

³⁵ – Добрый день. Вам нужен рабочий? – Кто нужен, сэр? – Рабочий. Мыть посуду или что-то вроде того. Работа. – Можешь поговорить с менеджером, парень (*англ.*).

– Sorry. Try to get your papers first. Bye³⁶.

Аудиенция была окончена.

В этот день ему предстояло несколько подобных диалогов. Иногда они оканчивались уже на уровне официанта, иногда он добирался до менеджера, но либо не было вакансий, либо проявлялся слишком оживленный интерес к его праву работать в границах Европейского сообщества.

За ужином он сказал Ингрид как можно безразличнее (иногда все-таки здорово быть актером!):

– I think I leave you in a week. Thanks for hospitality.

– Oh! Do you fly home?

– Yea, that's what I plan.

– Well. T'was a marvelous time, wasn't it?

– Sure³⁷.

Разговор прошел чисто по-европейски – или по-голливудски? Саша оказался талантливым учеником.

Их было много, этих ресторанчиков и кафе. Потом Саша стал пробовать еще и магазины. В одном супермаркете его даже отвели в подсобку и дали перетаскать какие-то нетяжелые коробки, а потом сунули десятку, но о постоянной работе разговаривать не захотели.

Впрочем, обнадеживало уже и это. Десятка за час – неплохо! И все же...

Может, не такое у него выражение лица? Слишком просительное и неуверенное? Ну, Саня, ты же актер, давай, надень другую маску! Хороший парень с временными затруднениями рассмотрит деловые предложения...

Наконец, примерно в двадцатом кафе, ему повезло. Хозяином был пожилой индонезиец с тонким молочно-шоколадным лицом и короткими седыми волосами. Он сразу отвел его на мойку и, даже не задавая бессмысленных вопросов о происхождении и официальном статусе, объяснил, что через день надо приходить в восемь вечера и мыть посуду примерно до половины двенадцатого. В кафе в это время наплыв, штатный посудомой не успевает. Плата – пятнадцать гульденов за вечер, плюс покормят.

Это было совсем негусто – буквально на прожитие, и все. При самом идеальном раскладе – чуть больше двух сотен в месяц. Но это было начало. Да и работа хоть не особо приятная, но и не слишком утомительная. И ужин бесплатный на дороге не валяется.

Гораздо проще решилось с жильем. Он наведлся в родную общагу, и койка, которая стоила как раз пятнадцать гульденов за ночь, была ему предоставлена без денег – за ежеутреннюю мойку посуды в буфете. Таким образом, середина дня оставалась свободной для поисков настоящей работы.

Новый, 1992 год оказывался не таким уж и плохим.

Близилось расставание с Ингрид. После того новогоднего разговора Саша старался общаться с ней как можно меньше, и Ингрид была этим удивлена. Доброй дружбы не получалось. Пару раз она пыталась вернуться к разговору об их отношениях и, кажется, пыталась по-своему извиниться, даже делала ему комплименты – мол, русские гораздо сексуальнее голландцев и вообще они богатыри из сказочной страны. Но Саша вежливо уходил от этой темы. Теперь-то что? Разве он матрешка сувенирная?

Он мог бы простить измену, но у него просто не укладывалось в голове, как можно было с одинаковым равнодушием затащить его в койку и по прошествии некоторого времени из нее

---

³⁶ – Добрый день, сэр. Вам нужен рабочий?– Вы иностранец?– Да, сэр.– Откуда?– Из России.– У вас, конечно, есть вид на жительство?– Нет, сэр.– Извините. Постарайтесь сперва его получить. Пока (*англ.*).

³⁷ – Пожалуй, я через недельку съеду. Спасибо за все.– А, летишь домой?– Да, собираюсь.– Понятно. Хорошо время провели, правда?– Конечно (*англ.*).

выпихнуть. Он уже успел убедить себя, что это Ингрид заставила его остаться и, следовательно, что это она сломала ему и театральную карьеру, и личную жизнь, да еще и с билетом раскрутила. Бедная Ингрид, вероятно, и представить не могла, как беззвучно материл ее Саша после очередной неудачи с трудоустройством. Все-таки надсадные российские нотки в их расставании прозвучали – не с ее, так с его стороны.

Так что днем 7 января он покинул ее квартиру с набитой сумкой и сказал, что провожать до аэропорта не надо. Ингрид, в свою очередь, предпочла не говорить, что в справочной ей сообщили – в этот день рейсов на Москву нет, да и в любом случае провожать его она бы не стала.

Саша перебрался в общагу. За всеми хлопотами он чуть было не забыл, что Ян пригласил его на празднование русского Рождества. Он был бы не прочь зайти в церковь, но мытье посуды в буфете явно не оставляло такой возможности. Зато днем ожидался праздник в некоем «приходском доме» в центре города.

Он довольно легко нашел этот дом, расположенный на живописной улице, идущей вдоль канала. Пришел он чуть позже назначенного времени, но, по русскому обычаю, народ еще только начал собираться. Оказалось, на входе продают билеты, и пришлось собирать по карманам последнюю десятку. Если бы не перспектива работы, он бы просто плюнул и ушел.

«Приходским домом» оказались несколько комнат на первом этаже старинного роскошного здания. Обставлены они были довольно просто, по стенам висели картины на какие-то религиозно-фольклорные темы и репродукции икон. Посреди главной комнаты стояла со вкусом украшенная елка.

В углу были накрыты столы, и это оказалось как нельзя кстати, да и потеря десятки оправдалась. Впрочем, к столам пока не приглашали. Помещение постепенно наполнялось самыми разнообразными людьми, говорившими вперемешку на русском и голландском, а местами и на английском. Довольно обычное сочетание для такого рода тусовок, отметил про себя Саша. Среди этих людей оказался и Ян, и еще несколько знакомых по прежним вечеринкам парней и девушек, но поговорить было просто невозможно – вокруг Яна сразу закипела не слишком бурная, но суетливая деятельность по окончательному приведению столов в праздничный вид, и было не до разговоров. Саша сам оказался затянут в водоворот праздничной суеты и резал на кухне французские батоны, еле удерживаясь, чтобы не начать их поедать прямо на месте.

Но хлопоты стали потихоньку стихать, и Саша успел перебраться в комнату как раз к началу торжественной части. К елке вышел старенький священник, прочитал какие-то молитвы на славянском и на голландском, в ответ ему неожиданно громко грянул хор, стоявший тут же, сбоку от елки. Священник был похож на Деда Мороза, и стало быть, на долю регента, молодой женщины, выпадала роль Снегурочки. Саша даже явственно представил себе, как сейчас этот священник взмахнет чем-нибудь подобающим и скажет: «Ну-ка, елочка, зажгись!» А потом они с регентом будут загадывать загадки и раздавать подарки.

Собственно, почти так оно и получилось. После молитвы хор стал петь рождественские колядки. Пели здорово, хотя, пожалуй, слишком громко. Звучало что-то вроде бы и русское, может, даже из дореволюционного, а вроде бы и неживое.

Ликуй ныне,
и радуйся, земле,
Сын Божий
народился!

Или это по-украински? Похоже.

Придут к тебе, земле,

три праздники в гости.
Ото перший праздник
Святого Василя...

Но едва они кончили петь, как к регенту полез некий выходец с Украины и стал горячо доказывать, что текст они переврали, а потом полез в ноты и стал править прямо там. На робкие возражения регента, что это из сборника начала века и что это мог быть какой-то особенный диалект украинского языка, подборник самостийности страшно обиделся и стал кричать, что украинский – не диалект, а самостоятельный язык и что вот московский говор – это точно испорченный украинский диалект.

Словом, праздник начался.

Скоро позвали и к фуршетным столам, но вот до деловых разговоров все как-то не доходило. И как раз в то время, когда фуршетиться стало уже особенно нечем, Ян вдруг сам подошел к Саше и представил невзрачного паренька, их ровесника.

– Знакомьтесь: Дмитрий, Александр.

Они молча пожали друг другу руки. Дмитрий, видимо, был в курсе ситуации.

– Живешь где? – с ходу спросил он.

– Тут, недалеко, в хостеле.

– Нормально?

– Нормально.

– С работой, сам знаешь, тяжело. Пока нет ничего на горизонте. А будет – скажу Ване, о'кей? С ним-то контактишь?

– Бывает.

– Ну и ладно. Сам с Москвы?

– Точно.

– А я с Днепропетровска. Ну, как там столица?

– Да так себе. Жрать нечего.

– Ну так. У нас тоже не густо было, как я уехал.

– А ты давно тут?

– Полгода. Ты прикинь, – рассмеялся парень, – уезжал из СССР. А теперь вон незаможня, зато самостийна та незалежня. Видал, тут хохол выдрючивался насчет песенок ихних?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.